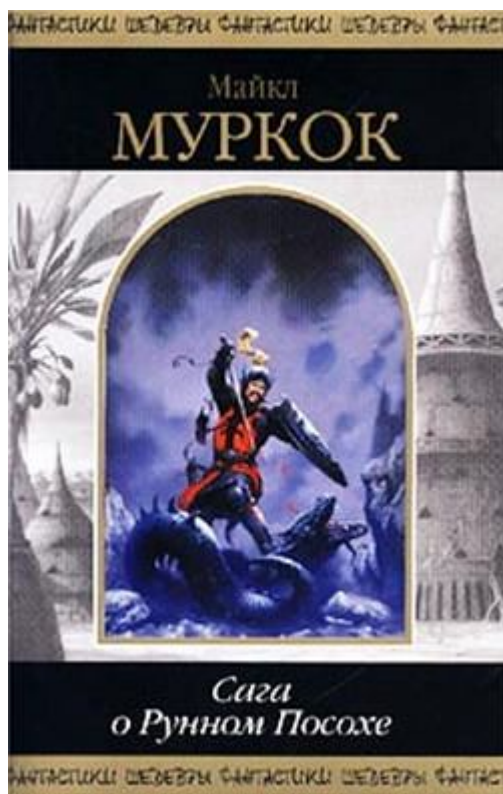

Майкл Муркок Рунный Посох

Хроники Дориана Хоукмуна. История Рунного Посоха – 4

Человек, который осмелится поклясться Рунным Посохом, тем самым неминуемо изменит свою собственную судьбу, равно как и судьбу своего мира. За всю историю Рунного Посоха таких клятв было немало, однако ни одна из них не принесла столько горя и бедствий, как страшная клятва мщеница барона Мелиадуса Кройденского. Именно тогда Дориан Хоукмун, герцог Кельнский, оказался, втянут в опасное противостояние между силами Порядка и Хаоса, потерял любимую женщину, наследие предков, свободу.

Но в Мультивселенной Майкла Муркока, потерпев поражение в одном из миров, Вечный Герой способен победить в параллельном измерении, вернуть утраченное, обрести надежду.

оно в действительности означает. Ведь замок Брасс оставался единственной цитаделью, не покоренной полководцами Гранбритании. Он был обителью героев, сражавшихся с Империей Мрака – тех, кого так люто ненавидел мрачный барон Мелиадус, магистр Ордена Волка, главнокомандующий армии, завоевавшей весь мир. Все знали, что барон Мелиадус вел войну с этими героями, особенно – с легендарным Дорианом Хоукмуном, герцогом Кельнским, который женился на Иссельде, дочери графа Брасса, которую желал заполучить Мелиадус.

Однако защитники замка Брасс не разгромили армию Гранбритании. Замок просто уклонился от битвы, исчезнув вместе с обитателями, переместившись в другую плоскость Земли при помощи древней машины-кристалла. Там, в новой плоскости, и нашли убежище Хоукмун, граф Брасс, Оладан с Булгарских гор и небольшой отряд воинов Камарга. Многие из оставшихся думали, что герои Камарга покинули эту плоскость навсегда. Они ни в чем не винили ушедших. Однако с каждым днем все меньше надеялись на их возвращение.

В том, незнакомом для них Камарге, Хоукмун и остальные столкнулись с новыми трудностями. Выяснилось, что колдуны-ученые Империи Мрака задумали прорваться в их плоскость или вернуть исчезнувших обратно. И они были близки к своей цели. Загадочный Рыцарь-в-Черном-и-Золотом посоветовал Хоукмуну и д'Аверку отправиться на поиски легендарного Меча Рассвета, который мог бы помочь им в борьбе с Гранбританией. Этот меч, как оказалось, каким-то образом связан с Рунным Посохом, управляющим судьбою Хоукмуна, да и судьбами всех людей на Земле.

Герцогу Кельнскому удалось завладеть мечом Рассвета. Тогда Рыцарь объявил, что Хоукмун должен пройти морем вдоль побережья Амареки к городу Днарку, где нужна помощь этого клинка. Но Хоукмуном овладели сомнения. Ему не терпелось вернуться в Камарг к своей прекрасной жене Иссельде. И вместо того, чтобы плыть вдоль побережья, Хоукмун вместе с легкомысленным д'Аверком отправился в Европу.

В то же самое время в Гранбритании барон Мелиадус кипел от гнева из-за того, что король-император не одобрил его планы относительно замка Брасс. Барон был уверен, что правитель нарочно перечит ему, и это не ускользнуло от короля. Хеон становился все более недовольным и недоверчивым, а это грозило Мелиадусу опалой. А между тем Шенегар Тротт, граф Суссекский, все больше входил в милость у императора.

Упустив своих врагов в Йельской пустыне, Мелиадус, сгорая от ненависти, вернулся в Аондру. И там его ненависть к защитникам замка Брасс обратилась против самого бессмертного правителя, короля-императора Хеона...»

Из «Летописи Рунного Посоха»

ГЛАВА 1

ТРОННЫЙ ЗАЛ КОРОЛЯ ХЕОНА

Через огромные распахнутые двери барон Мелиадус прошествовал в тронный зал короля-императора. Однако на входе дорогу ему преградил двойной ряд стражей из Ордена Богомола, подчинявшегося лично королю. На стражниках были огромные, усыпанные самоцветами маски, изображавшие личинки насекомых. Похоже, они отнюдь не собирались

пропускать гостей.

Мелиадусу стоило больших усилий сдержать гнев и невозмутимо дожждаться, пока стража все же расступится и даст ему дорогу.

Наконец он вошел в огромный зал с высоким, уходящим в поднебесье, потолком, увешанным стягами пятисот знатнейших семей Империи Мрака. Мозаика из драгоценных камней на стенах изображала памятные эпизоды из истории Гранбритании. Пройдя меж двух шеренг воинов, Мелиадус уверенно двинулся к Тронной Сфере, находившейся в доброй миле от входа в зал.

На полпути к возвышению барон упал ниц. Когда он поднял голову, твердая черная Сфера на мгновение побледнела, и во тьме замелькали алые и белые искры.

Мелиадус ощутил на себе пронзительный взгляд, исходящий из Сферы. На него смотрел Хеон, король-император Гранбритании и магистр Ордена Богомола, обладавший неограниченной властью над десятками миллионов людей. Он жил вечно, и именем этого правителя барон Мелиадус завоевал всю Европу и земли за ее пределами.

Из Тронной Сферы донесся юношеский голос:

– А, наш нетерпеливый барон Мелиадус! Мелиадус вновь поклонился и почтительно произнес:

– К вашим услугам, повелитель.

– О чем вы хотите нам сообщить, торопливый лорд?

– Об успехе, великий император. О том, что мои подозрения подтвердились.

– Вы нашли пропавших эмиссаров из Краснокитая?

– К сожалению, нет, ваше величество...

Барон Мелиадус даже не догадывался, что именно в этом обличье Хоукмун и д'Аверк проникли в столицу Империи Мрака. В курсе дела была лишь Флана Микосеваар, помогавшая им скрыться.

– Тогда почему же вы здесь, барон?

– Я выяснил, что Хоукмун, который по-прежнему является величайшей угрозой нашей безопасности – и я на этом настаиваю – посещал наш остров. Я отправился в Йель и нашел там его и предателя Гьюлама д'Аверка, а также волшебника Майгана из Аландара. Им известен секрет путешествий во времени.

Барон не упомянул, что он упустил всех троих.

Он продолжал:

– Они исчезли прежде, чем мы смогли схватить их. Могущественный король, если они могут приходить и уходить из нашей страны, когда пожелают, то очевидно, что мы никогда не сможем чувствовать себя в безопасности. Я бы предложил нашим ученым, в особенности Тарагорму и Калану, немедленно направить все усилия на поиски этих отступников. Надо их обязательно уничтожить – они представляют для нас серьезную угрозу.

– Барон Мелиадус, какие новости об эмиссарах из Краснокитая?

– Пока что никаких, могущественный король-император, но...

– С несколькими партизанами, барон Мелиадус, наша Империя может справиться, но если нашим берегам угрожает сила, которая превышает нашу и которая использует неизвестные нам научные достижения, то мы можем, как вы сами понимаете, этого не пережить... – голос произносил слова с неторопливостью, в которой чувствовался яд.

– У нас нет доказательств, – нахмурился барон, – что такое вторжение планируется, о Всемогуций Повелитель.

– Согласен. Но у нас также нет и доказательств того, что Хоукмун и его банда могут причинить нам сколько-нибудь ощутимый вред. В жидкости, заполняющей Тронную Сферу, вдруг промелькнули яркие искорки леденящей голубизны.

– Великий король-император, дай мне время и средства...

– Мы – империя, постоянно расширяющая свои границы. И мы желаем двигаться еще дальше, барон Мелиадус. Было бы ошибкой остановиться на достигнутом, не правда ли? Это не в обычаях Гранбритании. Мы гордимся нашим влиянием на Земле, и мы желаем

распространить его еще дальше. Вы, кажется, не рветесь исполнять наши замыслы – нести страх во все стороны света. Мы опасаемся, что вы стареете...

– Но всемогущий повелитель, мы не должны отказаться от преследования того, кто хотя и слаб, но может разрушить наши замыслы!

– Мы не терпим инакомыслия, барон Мелиадус. Твоя ненависть к Хоукмуну, твое желание обладать Иссельдой Брасс – это предательство наших интересов. Мы знаем и помним о твоих личных пристрастиях, барон. И если ты будешь продолжать в том же духе, мы будем вынуждены назначить вместо тебя другого, освободить тебя от службы и даже отстранить от ордена.

Руки барона Мелиадуса, одетые в латные рукавицы, непроизвольно дотронулись до маски.

Быть без маски! Величайший позор, величайший ужас, ибо угроза лишиться ордена подразумевала именно это. Вступить в ряды самых низких подонков общества в Аондре – в касту не носящих масок! Мелиадус внутренне содрогнулся и едва заставил себя заговорить.

– Я поразмыслию над вашими словами, о император Земли, – удалось ему наконец выдать из себя.

– Сделай это, барон Мелиадус. Мы не хотим, чтобы рассудок столь великого военачальника помрачился от его же собственных мыслей. Это может погубить тебя. Если ты желаешь вновь обрести нашу милость, то узнай, каким образом исчезли эмиссары Краснокитая.

Барон Мелиадус рухнул на колени, кивая головой в громадной маске Волка и раскинув в стороны руки. Завоеватель Европы пал ниц перед своим королем, но в мозгу его зрели мятежные мысли; он возносил благодарность духу своего ордена за то, что маска скрывала лицо, и поэтому ярость его не была видна.

Он отступил от Тронной Сферы, а за ним все следил пронизывающий взгляд короля-императора.

Мелиадус повернулся и начал долгий обратный путь к гигантским дверям. Он шел и чувствовал, что глаза под неподвижными масками Богомоллов следят за ним со злорадством.

Выйдя из дверей, он свернул налево и зашагал по извилистым коридорам дворца в поисках покоев графини Фланы Микосеваар-Канберийской, вдовы Азровака Микосеваара, возглавлявшего когда-то Аегион Стервятников. Графиня Флана была единственной родственницей короля Хеона, его кузиной.

ГЛАВА 2

РАЗМЫШЛЕНИЯ ГРАФИНИ ФЛАНЫ

Сидя у окна, графиня любовалась крышами Аондры и ее спиралеобразными башнями. На прекрасное бледное лицо легла тень печали и разочарования. Графиня опустила взгляд на маску Цапли, что лежала перед ней на лакированном столике.

Графиня поднялась с места, и красные отблески солнечных лучей скользнули по нарядному шелковому платью, украшенному драгоценностями. Она подошла к шкафу, где еще хранились причудливые костюмы двух мужчин, давно покинувших ее покои. Это были доспехи, в которые облачались Хоукмун и д'Аверк, когда выдавали себя за эмиссаров Краснокитая. Графиня Флана погрузилась в раздумья. Она пыталась представить, где эти люди сейчас, что с ними и что произошло с д'Аверком, который, как она догадывалась, полюбил ее.

Графиня Канберийская за всю свою недолгую жизнь сменила дюжину мужей и неисчислимое множество любовников и постоянно избавлялась от них тем или иным способом – как другая женщина могла бы избавиться от пары чулок. Флана раньше не знала любви и никогда не испытывала чувств, которые были не чужды даже жителям Гранбретании.

Но д'Аверк, щеголь и ренегат, который вечно прикидывался больным, почему-то

пробудил в ней любовь.

Прежде графиня держалась при дворе особняком, потому что была самой здравомыслящей из всех, кто окружал ее. Теперь она узнала любовь, не имеющую ничего общего с эгоизмом, которым славились повелители Империи Мрака. Вероятно, ласковый, чувствительный и тонкий д'Аверк пробудил Флану от апатии, вызванной отнюдь не отсутствием души, а напротив – ее величием. Величием души, не желающей покориться существованию в безумном, эгоистичном, извращенном мире короля Хеона.

Но когда графиня очнулась, она уже не могла не обращать внимания на свое ужасное окружение, не могла бороться с мыслью, что ее возлюбленный никогда не вернется.

Она удалилась в свои покои и стала избегать общения. Хотя одиночество и спасало ее от общества придворных, но оно же давало благодатную почву для печали.

По бледным щекам графини покатались слезы, и она остановила их надушенным шелковым платком.

Служанка открыла дверь в комнату и в нерешительности остановилась на пороге. Флана машинально протянула руку за своей маской:

– В чем дело?

– Барон Мелиадус Кройденский, миледи. Он говорит, что должен вас видеть. По неотложному делу.

Флана надела маску. С минуту она обдумывала слова служанки, потом пожала плечами, решив, что ничего не изменится, если она уделит несколько минут Мелиадусу. Может быть, у него есть известия о д'Аверке, которого он сильно ненавидит. Немного хитрости, и она сумеет выведать все, что ему известно о ее возлюбленном.

Но если Мелиадус пожелает заняться с ней любовью? Ведь такое было не раз. Тогда она просто отвергнет его, как это делала и раньше.

Она чуть наклонила маску.

– Пригласите барона, – приказала графиня.

ГЛАВА 3

ХОУКМУН ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ

Быстроходный корабль стремительно рассекал морскую гладь, ветер надувал огромные белоснежные паруса. Небо было ясным, а море безмятежным. Рулевой покосился на главную палубу, где у борта, вглядываясь в океан, стоял Хоукмун. Ветер трепал золотистые волосы герцога Кельнского, а за спиной его вился алый бархатный плащ. Красивое лицо молодого человека портил лишь Черный Камень во лбу.

Заметив боцмана, поднявшегося на палубу, Хоукмун приветственно вскинул руку.

– Я отдал приказ плыть вдоль побережья в восточном направлении, – доложил боцман.

– Кто велел вам идти этим курсом?

– Никто, сударь. Просто я подумал, что раз вы направляетесь в Днарк...

– Мы направляемся не в Днарк. Скажи об этом рулевому.

– Но тот страшный воин – Рыцарь-в-Черном-и-Золотом, как вы его называли, он же говорил...

– Он мне не хозяин, боцман. Мы направляемся через море – в Европу.

– В Европу, сэр?! После того, как вы спасли Нарлин, мы отвезем вас, куда хотите, и куда угодно последуем за вами. Но понимаете ли вы, какое огромное расстояние мы должны проплыть, чтобы достичь Европы, сколько морей нам придется пересечь, какие шторма пережить...

– Да, понимаю. Но все равно мы поплывем в Европу.

– Как скажете, сэр, – нахмурившись, боцман повернулся, чтобы передать рулевому приказ.

Из своей каюты под главной палубой по трапу поднялся д'Аверк. Хоукмун ему улыбнулся:

– Хорошо спалось, друг д'Аверк?

– Настолько хорошо, насколько это возможно на борту этого плавающего корыта, качающегося в разные стороны. Я и в лучшие времена страдал от бессонницы, но сейчас мне удалось сомкнуть глаза лишь на несколько минут. Пожалуй, на большее я и не рассчитывал.

– Когда я час назад заходил в каюту, ты храпел, – засмеялся Хоукмун.

– Так значит, ты слышал, как я тяжело дышал? – поднял брови д'Аверк. – Я старался делать это как можно тише, но дурацкая простуда, которую я подхватил на борту корабля, вызывает определенные затруднения, – он поднес к носу льняной платок.

На д'Аверке была свободная шелковая голубая рубашка, алые расклешенные брюки, тяжелый широкий кожаный пояс, на котором висели меч и кинжал. Горло он обмотал шарфом пурпурного цвета, а его длинным волосам не позволяла спадать на лоб яркая повязка. Тонкие, почти аскетические черты лица хранили обычное сардоническое выражение.

– Правильно я расслышал ваш разговор с боцманом? – спросил д'Аверк. – Ты приказал направиться в Европу?

– Да.

– Значит, ты все еще надеешься добраться до замка Брасс и хочешь забыть слова Рыцаря-в-Черном-и-Золотом? Ты ведь знаешь, что твоему клинку, – д'Аверк показал на большой розовый меч на боку Хоукмуна, – выпала судьба направиться в Днарк, чтобы служить делу Рунного Посоха?

– Я обязан быть верным себе и своим родным и не стану служить какому-то мифическому Посоху, в существовании которого я весьма сильно сомневаюсь.

– Раньше ты не верил в силу этого клинка, – с иронией заметил д'Аверк, – но ты же видел, как Меч Рассвета вызвал воинов, которые спасли наши жизни.

На лице Хоукмуна появилось упрямое выражение.

– Да, – с неохотой признался он, – но я все равно хочу попробовать вернуться в замок Брасс.

– Но ведь невозможно узнать, в каком измерении он находится.

– Да, я могу лишь надеяться, что он именно в этом измерении, – в голосе Хоукмуна прозвучала категоричность. Он как бы показывал, что не хочет обсуждать уже решенный для себя вопрос. Д'Аверк поднял брови, затем спустился на нижнюю палубу и стал прогуливаться по ней, насвистывая.

Пять дней плыли они, подняв все паруса, по спокойному океану. На шестой день боцман подошел к Хоукмуну и указал вперед:

– Видите темное облако там, на горизонте? Это шторм, и мы к нему приближаемся.

Хоукмун стал вглядываться вдаль:

– Говоришь, шторм? Какой-то странный...

– Да, сэр. Убрать паруса?

– Нет, боцман. Мы будем плыть дальше, пока точно не узнаем, что там впереди.

– Как скажете, сэр, – боцман, качая головой, спустился на палубу. Спустя несколько часов перед ними возникло нечто, напоминающее огненную стену, протянувшуюся через море. Стена поднималась вверх, а небо оставалось все таким же голубым, как обычно, и море выглядело абсолютно спокойным. Только ветер стих. Создавалось впечатление, будто они плывут по озеру, берега которого уходят в небо и исчезают в вышине.

Экипаж пришел в замешательство: никто не мог дать объяснения столь странному явлению. В голосе боцмана Хоукмун услышал страх:

– Уберем паруса, сэр? Я никогда прежде не слышал ни о чем подобном. Экипаж нервничает.

– И правда, явление странное, – сочувственно кивнул Хоукмун, – скорее сверхъестественное, чем естественное.

– Именно так и говорят матросы.

Самого Хоукмуна неудержимо тянуло вперед: ему не терпелось встретиться с тем, что

его ожидает. Но он был в ответе за команду корабля, последовавшую за ним добровольно; они были благодарны ему за избавление их родного города Нарлина от власти лорда-пирата Вальона Старвельского, прежнего владельца Меча Рассвета. И это сдерживало Хоукмуна.

– Ладно, боцман, – вздохнул Хоукмун. – Уберем паруса и переждем ночь. Может быть, нам повезет, и к утру все это прекратится.

– Благодарю вас, сэр, – боцман явно испытал большое облегчение. Хоукмун кивнул ему, а затем, повернувшись, взгляделся в высокие стены, пытаясь разгадать их тайну. Воздух стал прохладнее. И хотя по-прежнему сияло солнце, казалось, что его лучи огибают огненные стены. Все было недвижимо и спокойно.

Хоукмун гадал, мудро ли он поступил, направившись прочь от Днарка. Насколько он знал, никто, кроме древних, не переплывал этот океан. И можно было лишь воображать, какие неведомые ужасы могут таиться в нем.

Наступила ночь, а огненные стены все еще горели в темноте красным и пурпурным светом. Это было очень странно. Беспокойство Хоукмуна нарастало.

Утром оказалось, что стены придвинулись намного ближе к ним, и спокойствие океана стало зловещим. Хоукмун подумал, что они попали в ловушку, расставленную какими-то сверхъестественными силами.

Он расхаживал по палубе в теплом плаще, который не очень-то спасал от холода. Вслед за герцогом на палубу выбрался дрожащий д'Аверк, закутавшийся сразу в три плаща:

– Прохладное утро, Хоукмун.

– Да, – пробормотал герцог Кельнский. – Что ты об этом думаешь, д'Аверк?

– Довольно мрачная перспектива, – покачал головой француз. – А вот и боцман...

Они оба повернулись, чтобы поприветствовать боцмана, появившегося в широком кожаном плаще.

– У тебя есть какие-нибудь соображения насчет этого, боцман? – спросил д'Аверк.

Боцман пожал плечами и обратился к Хоукмуну:

– Матросы говорят, что они будут с вами до конца, сэр, чтобы ни случилось. Если понадобится, они умрут за вас.

– Похоже, им не очень весело, – улыбнулся д'Аверк, – но нельзя винить их за это.

– В самом деле, сэр, – круглое, честное лицо боцмана выражало отчаяние. – Может быть, приказать поставить паруса?

– Так будет лучше, чем сидеть и ждать, когда приблизятся эти стены, – подтвердил Хоукмун. – Поднимайте паруса!

И матросы бросились выполнять приказ.

Постепенно паруса наполнились ветром, и корабль с явной неохотой начал двигаться к странным багрово-красным стенам, похожим на облака.

Вдруг стены дрогнули, и сквозь них стали проступать другие, более темного цвета. Со всех сторон послышался какой-то воющий звук. Люди застыли, в ужасе от происходящего.

Но вот в один миг стены исчезли.

Хоукмун ахнул.

Со всех сторон их окружала гладь океана. Все было, как прежде. Палуба огласилась радостными криками. Но лицо д'Аверка оставалось по-прежнему мрачным. Хоукмун тоже понимал, что опасность, возможно, еще не миновала. Он стоял наготове у фальшборта и ждал. Предчувствие не обмануло его.

Повсюду из воды начали появляться одно за другим огромные чудовища. Гигантские рептилии с зияющими красными пастьми и тройными рядами зубов. Вода струилась по их чешуе, а глаза горели безумной и страшной злобой.

Раздался оглушительный звук хлопающих крыльев, и они поднялись в воздух.

– Нам конец, Хоукмун, – с философским спокойствием произнес д'Аверк, вынимая меч. – Даже жаль, что не пришлось напоследок увидеть замок Брасс и сорвать последний поцелуй с губ любимой.

Хоукмун едва его расслышал. Он был зол на судьбу, которая послала ему гибель в этом

проклятом океане: никто никогда не узнает, как и где они погибли...

ГЛАВА 4 ОРЛАНД ФАНК

Над палубой зависли гигантские рептилии, с шумом рассекая воздух крыльями. Хоукмун замер, словно окаменел, глядя, как разинувшая пасть тварь медленно снижается над кораблем. Он уже готов был к смерти, однако рептилия, задев мачту, снова взмыла в воздух.

Хоукмун из последних сил выхватил Меч Рассвета. Никто, кроме него, не смог бы взять в руки это оружие и при этом остаться в живых. Вместе с тем Хоукмун прекрасно сознавал, что против этих отвратительных тварей даже его великолепный клинок бессилен. Ведь монстрам ни к чему даже нападать на людей. Им достаточно лишь нанести кораблю пару пробоин, чтобы отправить его на дно.

Ветер, поднятый рептилиями, раскачивал корабль. Воздух был пропитан их зловонным дыханием.

– Но почему они не нападают? – нахмурился д'Аверк. – Как будто играют с нами в какую-то игру.

– Похоже на то, – кивнул Хоукмун и сказал сквозь стиснутые зубы: – Может быть, им хочется поиграть с нами, прежде чем уничтожить.

Когда громадная тень опустилась на корабль, д'Аверк подпрыгнул. Его меч со свистом рассек воздух, а твари снова взмыли вверх.

– Фу! – поморщился д'Аверк. – Ну и вонь! Такое никак не может пойти на пользу моим легким.

Твари снова одна за другой начали снижаться и несколько раз ударили по кораблю своими крыльями. Корабль содрогался. Матросы, громко крича, падали с мачт на палубу. Хоукмун и д'Аверк еле удержались на ногах, вцепившись в фальшборт, чтобы не оказаться в воде.

– Они поворачивают корабль! – озадаченно воскликнул д'Аверк.

Хоукмун мрачно взглянул на ужасных чудовищ, но промолчал. Вскоре корабль уже был развернут градусов на восемьдесят. А потом рептилии поднялись еще выше и закружили в воздухе, словно не зная, что делать дальше. Хоукмун попытался разглядеть в их глазах проблески разума. Но это было невозможно.

Твари отлетели чуть ли не на милю от корабля и вновь повернули обратно.

Ветер, поднятый рептилиями, заставил Хоукмуна и д'Аверка пригнуться.

Паруса корабля выгнулись от ветра, и пораженный д'Аверк воскликнул:

– Так вот что они делают! Они гонят корабль туда, куда им приказано направить его! Это невероятно!

– Мы поворачиваем обратно в Амарек, – произнес Хоукмун. – Хотел бы я знать...

– Чем же питаются эти мерзкие твари? – прокричал сквозь шум ветра д'Аверк. – Дыхание их чересчур зловонно! Уфф!

Несмотря на свое отнюдь не веселое положение, Хоукмун усмехнулся.

Все матросы забились в весельные ячейки и с ужасом смотрели на страшных рептилий.

– Вероятно, они гнездятся вон там, – Хоукмун указал направление. – А их детеныши питаются сырым мясом.

– То, что ты говоришь, – д'Аверк выглядел оскорбленным, – может быть и верно. Но все же с твоей стороны было бестактно высказывать вслух подобную мысль.

Хоукмун криво усмехнулся.

– Если их гнездовье находится на суше, – сказал он, – есть шанс сразиться с ними. Здесь же, в открытом море, не стоит даже и думать об этом.

– Вы оптимист, герцог Кельнский...

Итак, уже больше часа сверхъестественные существа гнали по морю корабль с

головокружительной скоростью. Вдруг Хоукмун молча показал вперед.

– Остров! – воскликнул д'Аверк. – Похоже, ты оказался прав!

Они приближались к небольшому, совершенно голому, без всякого намека на растительность, островку. Склоны его резко поднимались к центру, как будто островок был вершиной какой-то горы, еще не совсем погрузившейся в воду.

Тут Хоукмун понял, что им грозит:

– Скалы! Мы направляемся прямо на них! Матросы! По местам! Рулевой!..

Он сам метнулся к рулю, схватил его, чтобы спасти корабль от столкновения со скалами.

Д'Аверк изо всех сил тоже пытался повернуть корабль. Остров стремительно приближался. Уже гремел прибой, предрекающий им гибель.

Когда утесы острова были уже совсем близко, корабль стал медленно поворачиваться. Стоящих на палубе обдало брызгами прибоя, и вдруг они услышали ужасающий треск обшивки корпуса. Стало ясно, что скалы распорили правый борт ниже ватерлинии.

– Спасайся, кто может! – крикнул Хоукмун и бросился к борту. Д'Аверк последовал за ним. Корабль накренился и встал на нос: всех швырнуло к левому борту. Хоукмун и д'Аверк, секунду поколебавшись, прыгнули в черные бурлящие волны.

Пытаясь удержаться на поверхности, Хоукмун почувствовал, как Меч Рассвета тянет его на дно, но все же не решился бросить оружие. Напротив, он вложил его в ножны, а затем попытался всплыть вместе с тяжелым клинком.

Наконец он пробился сквозь толщу воды и увидел смутный силуэт корабля. Море казалось более спокойным, а ветер и вовсе стих; грохот прибоя сменился легким шепотом волн, странное безмолвие сменило царившую только что какофонию.

Хоукмун доплыл до плоской скалы, выбрался на нее и выволок за собой меч. Затем он огляделся.

Рептилии все еще кружили в небе, но так высоко, что уже не чувствовалось ветра от взмахов их крыльев. Потом они внезапно взмыли вверх и спустя мгновение нырнули обратно в море.

Нырнув, твари подняли необычайно высокие волны, которые докатились до корабля, и он затрещал от их ударов.

Хоукмуна чуть не сбросило со скалы.

А потом рептилии пропали.

Хоукмун вытер воду с лица и сплюнул морскую горечь.

Что будут делать чудовища дальше? Может, когда-нибудь им понадобится живое мясо? Этого не мог сказать никто.

Хоукмун услышал, как его окликнули. Обернувшись, он увидел д'Аверка и матросов, пробирающихся к нему по скользким камням.

– Ты видел, Хоукмун, как эти твари скрылись? – вид у д'Аверка был очень удивленный.

– Да... Хотел бы я знать, вернутся ли они.

Д'Аверк мрачно посмотрел туда, где исчезли рептилии, и пожал плечами.

– Я предлагаю двигаться вглубь острова. Но прежде надо достать с корабля все, что можно, – сказал Хоукмун. – Сколько людей осталось в живых?

Он повернулся к стоящему позади д'Аверка боцману.

– Думаю, большинство, сэр. Нам повезло. Посмотрите...

– Пошлите на корабль несколько человек, – приказал Хоукмун, – и начинайте выгружать припасы.

– Как скажете, сэр. А если вернутся чудовища?

– Когда их увидим, тогда и решим, – ответил Хоукмун. Несколько часов подряд Хоукмун наблюдал, как выгружают на остров остатки их провизии.

– Как ты думаешь, можно будет отремонтировать корабль? – спросил д'Аверк.

– Наверное. Теперь, когда море спокойно, он навряд ли разобьется о скалы. Но на ремонт нужно время, – Хоукмун потер тусклый Черный Камень во лбу. – Пошли, д'Аверк,

обследуем остров.

Они стали подниматься по голым, лишенным каких-либо признаков жизни скалам к вершине в центре острова. Единственное, что им оставалось делать, – это попытаться обнаружить здесь лужи пресной воды, а на берегу найти устриц, выброшенных прибоем. Невозможно было даже представить себе жизнь на этом острове, если корабль не удастся отремонтировать. К тому же рептилии...

Они добрались до вершины и остановились передохнуть.

– Та сторона столь же пустынна, как и эта, – показал вниз д'Аверк. – Интересно... – он вдруг запнулся и воскликнул: – Клянусь глазами Березанта! Человек!

Хоукмун взглянул в направлении, указанном д'Аверком.

И правда, вдоль берега двигалась какая-то фигура. Пока они смотрели на человека, тот поднял голову и весело помахал рукой, приглашая спуститься к нему.

Оба друга начали медленно спускаться, думая, не мираж ли это. И вот они приблизились к человеку. Незнакомец, уперев руки в бока и широко расставив ноги, улыбался. Хоукмун и д'Аверк остановились.

На человеке была странная одежда, на вид весьма старомодная. На мускулистый торс была натянута кожаная безрукавка. Копну рыжих волос прикрывала вязаная шапочка, изящно украшенная пером из хвоста фазана. Весь наряд дополняли несуразные клетчатые брюки, а на ногах красовались стоптанные штиблеты с пряжками. К спине веревкой был привязан гигантский боевой топор со стальным топорщиком и затупившимся от долголетней службы лезвием. В голубых глазах, ярко выделяющихся на скуластом и красном лице, мелькала сардоническая ухмылка.

– Ну, так вы, должно быть, и есть те самые Хоукмун и д'Аверк? – проговорил человек со странным акцентом. – Мне говорили, что вы, наверное, появитесь здесь.

– А вы кто будете, сэр? – несколько надменно поинтересовался д'Аверк.

– Да я же Орланд Фанк, разве вы не узнали? Я к вашим услугам, милорды.

– Вы живете на этом острове? – спросил Хоукмун.

– Я здесь жил, но в данный момент уже не живу, вы должны знать об этом, – Фанк снял шапочку и вытер лоб тыльной стороной ладони. – Сейчас я, как и вы, путешествую...

– А кто рассказал вам о нас? – любопытствовал Хоукмун.

– У меня есть брат. Он любит носить довольно пижонские черно-золотые доспехи...

– Рыцарь-в-Черном-и-Золотом! – воскликнул Хоукмун.

– Как я слышал, ему действительно присвоили это дурацкое прозвище. Должно быть, он ничего не сказал вам о своем грубом и шустром братце.

– Не сказал. А кто вы?

– Я Орланд Фанк из местечка на Оркнее...

– С Оркнея! – Рука Хоукмуна непроизвольно рванулась к мечу. – Разве это не часть Гранбритании? Остров находится на далеком севере!

– Скажите любому оркнейцу, что его родина принадлежит Империи Мрака, – засмеялся Фанк, – и он перегрызет вам глотку! – он извинился и пояснил: – Это, знаете ли, наш любимый способ разделяться с врагами. Мы не очень-то утонченный народ.

– Так значит, Рыцарь-в-Черном-и-Золотом тоже с Оркнея... – начал было д'Аверк.

– Помилуйте, какое там! Это он-то с Оркнея? С его пижонскими доспехами и изысканными манерами?! – Орланд Фанк от души расхохотался. Он смеялся до слез. – Нет, он не оркнеец! – своей потрепанной шапочкой Фанк стер слезы с глаз. – Почему вы так подумали?

– Вы же сказали, что он ваш брат.

– Так оно и есть. Можно сказать, что он мой духовный брат. А может быть, и не только духовный. Я этого не помню. Прошло уже столько лет с тех пор, как мы встретились...

– И что же вас свело?

– Можно сказать, общее дело, одни идеалы.

– А не было ли это связано с Рунным Посохом? – пробормотал Хоукмун тихим

голосом, напоминающим звучание морского прибоя.

– Может быть.

– Что это ты, Фанк, стал вдруг неразговорчивым, – заметил д'Аверк.

– Да. На Оркнее народ неразговорчивый, – улыбнулся Орланд Фанк. – Правда, я у них считаюсь болтуном, – казалось, он ничуть не обиделся.

– Скажи, те чудовища и странные облака как-то связаны с Рунным Посохом? – поинтересовался Хоукмун.

– Я здесь недавно и не видел еще никаких чудовищ и облаков. А собственно, как вы попали сюда?

– Нас пригнали к этому острову гигантские рептилии, – пояснил Хоукмун, – и теперь я, кажется, понимаю... Они тоже служили Рунному Посоху.

– Может быть. Но это совершенно не мое дело.

– Значит, это Рунный Посох вызвал крушение нашего корабля? – свирепо спросил Хоукмун.

– Не знаю, – ответил Фанк, накрывая шапочкой копну рыжих волос и почесывая острый подбородок. – Я нахожусь здесь только для того, чтобы дать вам лодку и сообщить, где ближайшая обитаемая земля.

– Вы хотите дать нам лодку? – поразился д'Аверк.

– Да, вполне сносную для двоих.

– Двоих?! Но у нас пятьдесят матросов! – глаза Хоукмуна вспыхнули. – О, если Рунный Посох желает, чтобы я служил ему, ему следовало бы тоже постараться. Пока что он заслужил только мой яростный гнев!

– Гнев лишь утомит вас, – мягко сказал Фанк. – Я думал, что вы направляетесь в Днарк, чтобы послужить делу Рунного Посоха. Мой брат говорил мне...

– Твой брат настаивал, чтобы я плыл в Днарк. Но разве я могу забыть о жене и друзьях?... Ведь они ждут моего возвращения.

– Обитатели замка Брасс? Да, я слышал о них. Сейчас они в безопасности, если вас это известие утешит.

– Ты это точно знаешь?

– Да. Их жизнь течет без особых происшествий, если не считать неприятностей с Эльверезо Тозером...

– А что с ним стряслось?

– Как я понял, он вернул себе кольцо и скрылся, – Орланд Фанк изобразил взмах крыльями.

– Куда?

– Кто его знает! Вы ведь на себе испытали кольца Майгана.

– Не стоит доверять этим вещцам.

– Так я и понял.

– Ладно, они хоть избавились от Тозера.

– Я его не знаю. Кто это?

– Талантливый драматург, – пояснил Хоукмун, – с моралью... э-э-э...

– Гранбретанца? – подсказал Фанк.

– Именно, – Хоукмун нахмурился и пристально посмотрел на Фанка. – Ты меня не обманываешь? Мои близкие и друзья действительно в безопасности?

– Пока им нечего бояться.

– А где же лодка? – вздохнул Хоукмун. – И как насчет моего экипажа?

– Я помогу им вернуться в Нарлин. У меня есть кое-какие навыки в кораблестроении, и мы починим корабль.

– А почему мы не можем плыть с ними? – спросил д'Аверк.

– Сдается мне, что вы очень нетерпеливы, – спокойно заметил Фанк. – Вы отправитесь с острова при первой же возможности. Вы же понимаете: чтобы отремонтировать такое большое судно, понадобится много времени.

– Хорошо, мы воспользуемся вашей лодкой, – решил Хоукмун. – Боюсь, что в противном случае нам не отделаться от накликаемых кем-то неудач. То ли Рунный Посох, то ли...

– Вполне вероятно, – с улыбкой согласился Фанк.

– А как же ты покинешь остров, если мы заберем твою лодку? – поинтересовался д'Аверк.

– Я поплыву с моряками до Нарлина. У меня масса свободного времени.

– Далеко ли отсюда до материка? И как мы будем плыть? – спросил Хоукмун. – Ты можешь одолжить нам компас?

– Здесь близко. И я думаю, компас вам не понадобится. Вам следует лишь дожидаться нужного ветра.

– Что ты имеешь в виду?

– Скоро поймете. Ветры здесь очень необычные.

Хоукмун пожал плечами. И они пошли вдоль берега вслед за Фанком. «Похоже, не такие уж мы и хозяева собственной судьбы», – ехидно заметил про себя д'Аверк.

В поле их зрения появилась небольшая лодка.

ГЛАВА 5 ГОРОД МЕРЦАЮЩИХ ТЕНЕЙ

День напролет ветер гнал утлую лодчонку в нужном направлении. Хоукмун хмурил брови, лежа на дне лодки, тогда как д'Аверк, безмятежно стоя на носу, насвистывал какой-то мотивчик, не обращая внимания на летящие в лицо брызги.

– Теперь мне ясно, о чем толковал Фанк, – заявил Хоукмун. – Это вовсе не обычный ветер. Знаешь, мне не слишком-то по душе оказаться игрушкой в руках неких сверхъестественных сил.

д'Аверк усмехнулся и показал вперед:

– Смотри, земля! Должно быть, у нас скоро появится возможность пообщаться с этими таинственными силами.

Хоукмун лениво приподнялся и увидел на горизонте землю.

– Итак, мы возвращаемся в Амареку, – рассмеялся д'Аверк.

– Если б это вдруг оказалась Европа, и я смог бы увидеть Иссельду... – печально вздохнул Хоукмун.

– А я – Лондру и Флану, – д'Аверк кашлянул. – А все же хорошо, что она не обручилась с больным, умирающим человеком.

Постепенно на побережье стали различимы контуры деревьев, неровные утесы и холмы. На юге остров озаряло странное золотое сияние. Казалось, свет пульсирует в такт ударам гигантского сердца.

– Похоже, опять что-то сверхъестественное, – сказал д'Аверк. Ветер усилился, и лодочка повернула прямо на свет.

– Мы направляемся прямо туда, – простонал Хоукмун. – Я уже начинаю уставать от всего этого.

Они вошли в залив между материком и длинным островом. С другой стороны острова и распространялось золотое сияние.

По обеим сторонам тянулся пологий берег с песчаными пляжами и зелеными холмами. Людей нигде не было видно.

По мере того, как лодка приближалась к источнику света, тот все тускнел, пока не остался лишь слабый отблеск. Они медленно подплывали к таинственному месту.

И вдруг перед ними предстал город такой необычайной, утонченной красоты, что они лишились дара речи. Город был таким же огромным, как и Лондра, если не больше; его здания венчались симметричными шпилями, куполами и башнями. Все они светились тем же удивительным светом. И каждый дом имел свой оттенок – розовый, желтый, зеленый,

фиолетовый, вишневый, словно это были краски, сотканые из солнечных лучей и золотых нитей. Его красота казалась не человеческой, а какой-то божественной.

Лодка всплыла в порт – столь же прекрасный и светлый, как сам город.

– Все это похоже на город мечты... – прошептал Хоукмун.

– Мечты о рае, – подхватил д'Аверк. Весь его цинизм куда-то исчез.

Лодка остановилась у лестницы, спускавшейся к воде.

– Я думаю, здесь мы и высадимся, – предложил д'Аверк. Хоукмун кивнул с серьезным видом, а потом спросил:

– А кольца Майгана все еще у тебя в сумке?

– Они в безопасности! – хлопнул себя по боку д'Аверк. – А что?

– Мне просто хотелось убедиться, что на случай опасности у нас есть не только клинки, но и кольца.

Д'Аверк понимающе кивнул, а потом вдруг наморщил лоб:

– Странно, что мы забыли о них на острове... На лице Хоукмуна застыло недоумение.

– Да, да... – и он поджал губы в негодовании. – Конечно, на нас повлияла какая-то чертовщина. Как я ненавижу все эти сомнительные дела!

Д'Аверк приложил к губам палец и изобразил на лице недовольную мину:

– Что за выражения в таком месте!

– Надеюсь, что обитатели так же симпатичны, как и сам город.

– Если только они здесь действительно есть, – ответил, оглядываясь, д'Аверк.

По лестнице они поднялись на набережную. Повсюду возвышались необычные здания, а между ними протянулись широкие улицы.

– Давай войдем в город, – предложил Хоукмун, – нам нужно поскорее выяснить, зачем мы здесь нужны. Тогда, наверное, нам все же позволят вернуться домой, в замок Брасс.

Когда они шли по улице, им чудилось, что даже тени зданий были живые и светились собственным сиянием. Высокие башни вблизи казались едва ли осязаемыми. И когда Хоукмун протянул руку и дотронулся до одной из них, он почувствовал, что она не похожа ни на что, к чему он прикасался раньше. Это не было ни камнем, ни деревом, ни даже сталью: материя слегка подалась под его пальцами и заставила их дрогнуть. Кроме того, его удивила теплота, волной пробежавшая по руке и заполнившая все тело.

– Это скорее плоть, чем камень, – он озадаченно покачал головой.

Д'Аверк вслед за ним протянул руку к зданию и тоже был поражен:

– Да, похоже на плоть или даже на какое-то растение. Материал определенно напоминает что-то живое или, во всяком случае, органического происхождения.

Они двинулись дальше. Каждая вторая улица оканчивалась площадью. Хоукмун и д'Аверк пересекали площади и шли наобум по новым улицам, разглядывая уходящие ввысь здания, верхние части которых терялись в золотом тумане.

Голоса друзей стали тише, словно они боялись нарушить безмолвие великого города.

– Ты заметил, – прошептал Хоукмун, – что у домов вообще нет окон?

– И никаких дверей, – добавил д'Аверк. – Сдается мне, что этот город построен не для людей и строили его не люди!

– Наверное, это были какие-то существа, жившие во времена Тысячелетия Ужаса, – прошептал Хоукмун. – Существа вроде призрачного народа Сориандума.

Д'Аверк кивнул, соглашаясь с ним.

Когда они шли, впереди сгущались какие-то непонятные тени. И как только Хоукмун и д'Аверк попадали в такую тень, в них расцветало ощущение полнейшего благополучия и оба начинали улыбаться. А вокруг кружили мерцающие тени. Хоукмуну пришла в голову мысль, что, возможно, это и есть жители города.

Они пересекли еще одну улицу и оказались в центре. На громадной площади находилось самое высокое здание города, которое, несмотря на свои размеры, выглядело необыкновенно изящно.

Оно было цилиндрической формы, на стенах переливались разноцветные огни, а у

подножия Хоукмун заметил кое-что еще:

- Смотри, д'Аверк, лестница! Ведет к дверям!
- Что же нам делать? – прошептал д'Аверк.
- Конечно же, войти! – разрешил его сомнения Хоукмун. – Терять нам нечего.
- Внутри, наверное, мы найдем ответы на все вопросы... Пожалуйста... Я после вас, герцог Кельнский.

Двое друзей поднялись по лестнице и добрались до дверного проема высотой в человеческий рост. А внутри они увидели множество светящихся теней.

Хоукмун храбро шагнул вперед. И д'Аверк сразу же последовал за ним.

ГЛАВА 6 ДЖЕНЕМАЙЯ КОНАЛИАС

В башне царила переливчатая полутьма. Ноги путников словно утопали в чем-то мягком и зыбком, а тени обволакивали их с головы до ног. Сладостная нежная мелодия, похожая на небесную колыбельную, неслась по коридору, еще более усиливая ощущение неземного мира и покоя.

Наконец, они оказались в небольшой комнате, затопленной тем же самым золотистым пульсирующим светом.

Свет этот исходил от ребенка.

Прямо перед ними оказался мальчуган в одеянии, расшитом самоцветами. Судя по нежной смуглой коже и слегка раскосым глазам, он был родом откуда-то с Востока. Лицо его было столь прекрасно, что казалось воплощением любви и доброты.

Мальчик улыбнулся, и им показалось, будто взошло солнце.

– Герцог Дориан фон Кельн, – ласково произнес мальчик, склонив голову, – и Гьюлам д'Аверк. Я восхищаюсь и вашими картинами, и вашими зданиями, сэр.

- Вы знаете о них? – Д'Аверк был поражен.
- Они великолепны. Почему вы не создаете новых?
- Я... я думаю, – д'Аверк смущенно откашлялся, – что утратил навыки. И потом война...

– Ах, да. Конечно. Империя Мрака. Потому-то вы и здесь.

– Я так и предполагал...

– Меня зовут Дженемайя Коналиас, – снова улыбнулся мальчик. – И это все, что я могу вам сообщить. Этот город называется Днарк. Во внешнем мире его обитателей за мудрость и доброту называют Великими Добродетельными Людьми. По-моему, вы уже встретили кое-кого из них.

- Светящиеся тени? – спросил Хоукмун.
- Вы именно так их воспринимаете? Да, значит, это были жители Днарка.
- Они разумны? – поинтересовался Хоукмун.
- Даже более, чем разумны.
- Значит, этот город Днарк и есть легендарный город Рунного Посоха?
- Да.
- Странно, но все легенды говорят, что он находится не на континенте Амареке, а в Краснокитае, – заметил д'Аверк.
- Наверное, это не случайно, – улыбнулся мальчик. – Такие легенды чрезвычайно удобны.

– Понятно.

Дженемайя Коналиас спокойно улыбнулся:

- Как я понимаю, вы хотите увидеть Рунный Посох? Вы для этого явились сюда?
- Очевидно, – ответил Хоукмун, который не мог испытывать гнев в присутствии этого ребенка. – Сначала ваш слуга – Рыцарь-в-Черном-и-Золотом – велел нам отправиться сюда, а потом, когда мы сбились с пути, нас познакомили с его братом – Орландом Фанком...

– Ах, да, – воскликнул Дженемайя Коналиас, – Орланд Фанк. Я испытываю особую симпатию к этому слуге Рунного Посоха, – он слегка нахмурился. – Но я чуть не забыл. Вас нужно накормить. Вы, наверное, голодны. А затем вы встретитесь с одним путешественником – он опередил вас всего на несколько часов.

– А мы его знаем?

– По-моему, вы раньше встречались. Сюда, пожалуйста, – мальчик как будто выплыл из своего кресла.

– Кто же еще прибыл в Днарк? – шепнул Хоукмуну д'Аверк. – Интересно...

ГЛАВА 7 БЫВАЛЫЙ СТРАННИК

Вслед за Дженемайей Коналиасом они пошли по петляющим коридорам, в которых теперь, после исчезновения теней, стало гораздо светлей. Вероятно, призраки исчезли, выполнив свою задачу, после того, как привели сюда Хоукмуна и д'Аверка.

Путники наконец очутились в просторном зале, где стояли скамьи и длинный стол, ломящийся от снеди. Впрочем, пища оказалась достаточно безыскусной – рыба, хлеб и овощи.

Но прежде всего взгляды Хоукмуна и д'Аверка устремились к фигуре на другом конце стола. Узнав этого человека, они непроизвольно взялись за оружие, а на лицах гнев сменил удивление.

Наконец Хоукмун выдавил сквозь стиснутые зубы:

– Шенегар Тротт!

Толстяк тяжело двинулся к ним. Его простая серебряная маска была пародией на лицо, что скрывалось под ней.

– Добрый день, господа!

– Ты знаешь, что это за птица? – обратился Хоукмун к д'Аверку.

– По-моему, исследователь из Европы.

– Это граф Суссекский, правая рука короля Хеона. Он изнасиловал пол-Европы. Пожалуй, его превзошел только барон Мелиадус, преуспевший в этом больше всех.

– Бросьте, – проговорил Тротт мягким и веселым голосом. – Нет необходимости оскорблять друг друга. Мы здесь на нейтральной территории. Вопросы войны – другое дело. Но поскольку они нас сейчас не волнуют, давайте не будем огорчать нашего юного хозяина.

– Как ты прибыл сюда, граф Шенегар? – гневно спросил Хоукмун.

– На корабле. Наш барон Калан, с которым, думается мне, вы встречались... – Тротт засмеялся, когда Хоукмун машинально коснулся Черного Камня во лбу. – Он изобрел новый вид двигателя. Теперь наши корабли могут плыть с невероятной скоростью. Принцип тот же, что и в наших орнитоптерах, но конструкция посложнее. Так вот, мудрый король-император поручил мне отправиться в Амареку. Цель моего визита – завязать дружественные отношения со здешними правителями.

– То есть вы прибыли сюда, чтобы выяснить их сильные и слабые места, прежде чем напасть на них! – вскипел Хоукмун. – Нельзя доверять слугам Империи Мрака!

Мальчик развел руками. На его лицо набежало облачко грусти.

– Мы здесь, в Днарке, добиваемся всего лишь равновесия. Оно и есть главная цель и причина существования Рунного Посоха. Умоляю вас, поберегите ваши споры до другого раза. Подайте друг другу руки и попробуйте наше угощение.

– Но я должен предупредить, – произнес д'Аверк более легким тоном, чем Хоукмун, – что Шенегар Тротт здесь появился не случайно. Обычно он приносит с собой беды и разрушения. Недаром граф Суссекский считается самым хитрым лордом Гранбретании.

Мальчик, похоже, смутился и лишь немного погодя снова пригласил их к столу:

– Садитесь, пожалуйста...

– А где ваш флот, граф Шенегар? – спросил д'Аверк, усаживаясь на скамью и

придвигая к себе блюдо с рыбой.

– Флот? – с невинным видом переспросил Тротт. – Какой флот? Я ничего не говорил о флоте, а только упоминал о своем корабле, который пристал в нескольких милях от города.

– Тогда, должно быть, это большой корабль, – пробурчал Хоукмун, взяв кусок хлеба. – Что-то непохоже, чтобы граф Империи Мрака отправлялся в путешествие, не подготовившись к битве.

– Вы забыли, что в Гранбритании тоже есть ученые и исследователи, – возразил с показной обидой Тротт. – Мы ищем знания, истину и разум. Мы ведь хотим объединить враждующие государства Европы и добиться мира.

Д'Аверк никак не отреагировал на эту сентенцию, лишь закашлял еще более нарочито.

И тут Тротт выкинул нечто совершенно невероятное для вельможи Империи Мрака. Он сдвинул маску на затылок и принялся за еду. В Гранбритании этот поступок всех бы шокировал. Там считалось неприличным открывать свое лицо, а уж тем более есть на виду у всех.

Тротт слыл личностью эксцентричной. И вся знать Гранбритании терпела его только потому, что он был владельцем громадного состояния и обладал недюжинными военными способностями.

Его белое и пухлое лицо действительно было похоже на маску. В холодных глазах угадывался ум и способность принимать любое обличье.

Все молча ели, лишь мальчик не притрагивался к еде. Хоукмун нарушил молчание, указав на тяжелые посеребренные доспехи графа:

– Если у вас мирная исследовательская миссия, зачем вы путешествуете в таком костюме?

– Нельзя предугадать, с какими опасностями придется столкнуться в пути.

Д'Аверк сменил тему, понимая, что Тротта голыми руками не возьмешь.

– Как протекает война в Европе? – спросил он.

– В Европе нет никакой войны, – заверил его Тротт.

– Никакой войны? – ехидно переспросил Хоукмун. – Тогда почему же мы изгнаны из своих владений и находимся здесь?

– Мир царит во всей Европе. За этим следит наш добрый покровитель король Хеон, – пояснил Шенегар Тротт, дружески подмигнув. Это заставило Хоукмуна промолчать.

– За исключением разве что Камарга, – добавил Тротт, – как известно, он исчез. Мой собрат барон Мелиадус был крайне взбешен этим обстоятельством.

– Я в этом не сомневаюсь, – сказал Хоукмун. – А он все еще мечтает отомстить нам?

– Да... Вернее, когда я покидал Лондру, он уже стал посмешищем почти для всего двора.

– Кажется, вы не слишком симпатизируете барону? – поинтересовался д'Аверк.

– Вы меня правильно поняли, – подтвердил граф Шенегар. – Хотя я верен своей родине и королю, я не всегда согласен с тем, что делалось от его имени. Я всего лишь выполнял приказы. Я – патриот. Но, по правде говоря, я предпочел бы сидеть дома, читать книги и писать мемуары. Ведь когда-то я считался подающим большие надежды поэтом.

– Когда-то... Но теперь вы пишите лишь эпитафии, да и то – огнем и кровью, – бросил Хоукмун.

Вместо того, чтобы обидеться, граф Шенегар с достоинством ответил:

– У вас своя точка зрения, у меня – своя. Я верю в справедливость нашего дела, в то, что необходимо объединение всего мира. А личные интересы, пусть даже самые благородные, должны быть принесены в жертву великим принципам.

Но Хоукмуна нельзя было переубедить.

– Это обычный ответ гранбританца, – заявил Хоукмун. – То же самое говорил Брассу барон Мелиадус, когда собирался похитить дочь графа.

– Мое мнение о бароне вы уже слышали, – возразил граф Тротт. – Что поделаешь, при каждом дворе есть свой шут.

Казалось, Шенегар Тротт пытается убедить не Хоукмуна и д'Аверка, а мальчика, который безмолвно слушал их разговор.

Закончив есть, Тротт отодвинул от себя блюдо и опустил на лицо маску.

– Благодарю вас, сэр, за гостеприимство, – обратился он к хозяину. – А теперь мне очень хотелось бы посмотреть на легендарный Рунный Посох. Это мне доставит большую радость...

Хоукмун и д'Аверк выразительно посмотрели на мальчика, но тот будто бы не заметил этого.

– Сейчас уже поздно, – ответил Дженемайя Коналиас. – Мы посетим зал Рунного Посоха завтра. А пока вы можете отдохнуть. Комнаты для вас приготовлены. Там вы найдете все необходимое. А я навещу вас утром.

– Спасибо за предложение, – Шенегар Тротт поднялся и поклонился, – но мне нужно вернуться на корабль, иначе мои люди будут волноваться. Я присоединюсь к вам завтра.

– Как пожелаете, – согласился мальчик.

– Мы благодарим вас за гостеприимство, – произнес в свою очередь Хоукмун. – Но еще раз предупреждаю вас, что Шенегар Тротт преследует не те цели, о которых он здесь говорил.

– Такое упорство достойно восхищения. – Шенегар Тротт шутливо махнул рукой в латной рукавице и беззаботной походкой покинул зал.

– Боюсь, что сон сегодня будет тревожным: наш враг в Днарке, – сказал д'Аверк.

– Не бойтесь, – успокоил их мальчик. – Великие Добродетельные Люди помогут вам и защитят от любой опасности. Спокойной ночи, господа! До завтра!

Мальчик вышел из зала, а Хоукмун и д'Аверк отправились осматривать комнаты, где для них были приготовлены постели.

– А вдруг Шенегар Тротт задумал что-нибудь скверное и попытается причинить зло мальчику?

– Нам придется защитить его, – отозвался д'Аверк. – Спокойной ночи, Хоукмун.

Хоукмун вошел в свою комнату, наполненную светящимися тенями. Звучала та же неземная музыка. «Колыбельная», – подумал Хоукмун и сразу же крепко заснул.

ГЛАВА 8 УЛЬТИМАТУМ

Хоукмун пробудился, чувствуя себя посвежевшим и отдохнувшим, но тут же насторожился, заведя, как светящиеся тени кружатся вокруг него, словно в испуганном танце. От них исходило холодное голубоватое свечение.

Предчувствуя недоброе, Хоукмун поспешил подняться с постели и препоясаться мечом.

В тот же миг к нему в комнату вбежал д'Аверк:

– Что стряслось, Хоукмун, ты не знаешь?

– Не имею понятия. Не замышляет ли Шенегар Тротт нападение на Днарк? Может быть, мальчик попал в беду?

Мгновение спустя светящиеся тени заключили их в свои холодные объятия, и друзья почувствовали, что их стремительно уносят куда-то.

Они пронеслись через зал, где накануне ужинали, пролетели по коридорам, покинули здание. И вот их поглотил золотой свет...

Тени замедлили свой полет; Хоукмун и д'Аверк, едва переведя дух, увидели далеко внизу главную площадь и побледнели от страха – под ногами не было никакой опоры. Но все-таки они не падали: что-то держало их в воздухе.

Внизу, на площади, крохотные фигурки двигались по направлению к башне.

– Это же целая армия! – воскликнул Хоукмун. – Здесь их, должно быть, не меньше тысячи. Вот чего стоят красивые слова Шенегара Тротта о его мирных намерениях! Он вторгся в Днарк! Но зачем?

– Разве тебе еще не ясно? – мрачно ответил д'Аверк. – Он ищет Рунный Посох, чтобы с его помощью стать властелином всего мира.

– Но он же не знает, где находится Посох!

– Вот потому-то Тротт, вероятно, и собирается захватить башню. Видишь, воины уже внутри!

Друзья в ужасе смотрели на открывшуюся им зловещую картину.

– Мы должны спуститься, – сказал Хоукмун.

– Но ведь нас всего двое против тысячи! – воскликнул д'Аверк.

– Да, но если с помощью Меча Рассвета я снова вызову Легион Рассвета, то мы сумеем их одолеть! – возразил Хоукмун.

Словно уловив смысл его слов, Великие Добродетельные Люди стали снижаться. Хоукмун и д'Аверк быстро упали вниз – прямо на площадь, целиком заполненную людьми в масках. Это были слуги Империи Мрака, воины Легиона Сокола. Как и в Легион Стервятников, сюда тоже были набраны добровольцы из других стран – еще более жестокие, чем гранбретанцы. Налитые яростью глаза Соколов устремились вверх в предвкушении кровавого пира. Казалось, что клювы их с легкостью растерзают двух врагов Империи Мрака. Мечи, палицы, топоры напоминали когти хищных птиц, готовых разорвать на части добычу.

Светящиеся тени опустили Хоукмуна и д'Аверка у входа в башню. И едва друзья успели выхватить мечи, как на них уже налетели Соколы. Вдруг из дверного проема появился Шенегар Тротт и окликнул своих солдат:

– Стойте, Соколы мои! В кровопролитии нет надобности. Мальчик у меня!

Хоукмун и д'Аверк увидели, как он поднял за одежду брыкающегося Дженемайю Коналиаса и показал его своим солдатам.

– Я знаю, этот город кишит привидениями, которые сделают все, чтобы помешать нам, – объявил граф. – И если они тронут хоть одного из нас, я перережу мальчишке горло!

Хоукмун потянулся за мечом, чтобы вызвать Легион Рассвета. Но Тротт, заметив это, погрозил ему пальцем:

– Вы погубите ребенка, герцог Кельнский!

С гневом глядя на него, Хоукмун опустил руку и обратился к мальчику:

– Я же предупреждал тебя о его вероломстве!

– Да... – Мальчик запыхался, пытаясь вырваться из рук Трот-та. – Мне следовало обратить больше внимания на ваши слова, сэр...

Граф Шенегар засмеялся. Его маска сверкала в золотистом свете.

– А теперь говори, где находится Рунный Посох! Мальчик кивнул на цилиндрическую башню:

– Зал Рунного Посоха там, внутри. Шенегар Тротт обернулся к своим воинам:

– Хорошенько следите за этой парочкой. Я предпочел бы привезти их живыми! Король-император будет весьма доволен, если мы вернемся и с Рунным Посохом, и с героями Камарга. Оставьте нескольких воинов следить за пленниками, остальные – за мной! Если только они шевельнутся, крикните мне, и я отхвачу у мальчишки ухо-другое, – он вынул кинжал и взмахнул им у лица мальчика.

Шенегар Тротт и его войско исчезли в башне, а шестеро воинов остались охранять Хоукмуна и д'Аверка.

– Если бы мальчик внял нашим предупреждениям! – нахмурился Хоукмун. Стоило ему сделать один шаг, как Соколы угрожающе зашевелились. – Как же нам теперь спасти и его, и Рунный Посох из лап Тротта?

Вдруг их охрана уставилась вверх в немалом удивлении. Взгляд д'Аверка устремился в том же направлении.

Это возвращались светящиеся тени.

– Кажется, нам пришли на помощь, – улыбнулся д'Аверк.

Соколы еще не успели ничего понять, а тени уже обволокли двух друзей и спокойно

стали подниматься вверх. Воины пришли в замешательство и принялись размахивать мечами, пытаясь их остановить. А потом повернулись и побежали в башню – предупредить своего предводителя о том, что пленники на свободе.

Все выше и выше поднимались Великие Добродетельные Люди, унося Хоукмуна и д'Аверка в светящееся марево, сгустившееся до золотистого тумана. В этом тумане друзья не могли видеть даже друг друга, не говоря уже о том, что было внизу.

Им казалось, что они провели в воздухе не один час, прежде чем туман стал редеть.

ГЛАВА 9 РУННЫЙ ПОСОХ

Золотистый туман наконец рассеялся, и Хоукмун был вынужден на миг зажмуриться, такое царило здесь буйство света, настоящий фейерверк всевозможных красок и оттенков. Изливаясь откуда-то из центра зала, лучи создавали в воздухе самые причудливые и невероятные фигуры.

Сощурившись, Хоукмун осмотрелся по сторонам. Оказалось, что они парят под самым потолком зала, стены которого были сделаны из оникса и полупрозрачного изумруда. По центру возвышался помост, к которому со всех сторон вели широкие лестницы.

Светился предмет, находящийся в центре этого помоста. Все эти радужные узоры – звезды, конусы, круги – постоянно перемещались, но источник их оставался недвижим. Это был небольшой, длиной примерно с короткий меч, черный жезл.

«И это Рунный Посох?» – недоумевал Хоукмун. Слишком невзрачно выглядел он для предмета, о мощи которого ходило столько легенд. Хоукмун представлял его огромным – высотой с человека. А эту вещицу он мог унести в одной руке.

Внезапно открылась дверь, и в зал ввалились Шенегар Тротт и его телохранители из Легиона Сокола. Мальчик все так же дергался в руках графа Суссекского. Гнусный смех злодея-гранбретанца раскатился по всему залу:

– Наконец-то он мой! Даже король-император не посмеет мне ни в чем отказать, когда в моих руках будет сам Рунный Посох!

Хоукмун почувствовал, что в воздухе стал распространяться душистый горько-сладкий запах. Зал заполнился мягким гудящим звуком.

Великие Добродетельные Люди опустили Хоукмуна и д'Аверка на одну из лестниц, ведущих к Рунному Посоху. И тут граф Шенегар увидел их.

– Как?! – воскликнул Тротт.

Хоукмун окинул врага полным ненависти взглядом и приказал:

– Отпусти ребенка!

Граф Суссекский рассмеялся, мгновенно оправившись от неожиданности:

– Сначала объясните мне, как вам удалось попасть сюда раньше нас?

– С помощью сверхъестественных созданий, которых ты так боялся. Но, кроме них, у нас есть и другие друзья, граф Шенегар.

Кинжал Тротта замер в дюйме от лица мальчика.

– Я был бы последним идиотом, если б упустил свой единственный шанс!

– Предупреждаю тебя, граф, – произнес Хоукмун, – этот клинок – не простое оружие. Видишь, как пылает он розовым светом!

– Да, забавная вещица! Но вряд ли она помешает мне выколоть этому сорванцу глаза!

Д'Аверк окинул взглядом зал. Светящиеся тени, похоже, наблюдали за ними, повиснув под самым потолком.

– Судя по всему, ждать какой-то еще помощи от светящихся теней не приходится, – прошептал д'Аверк. – Очевидно, они хотят остаться в стороне от людских дел.

– Если ты отпустишь мальчика, я позволю тебе покинуть Днарк невредимым, – пообещал Тротту Хоукмун.

– Неужели? – засмеялся тот. – И вы сможете изгнать нас из города? Вы двое?

– У нас есть союзники! Не забывайте об этом!

– Возможно... Но у меня есть встречное предложение: сложите мечи и позвольте мне взять Рунный Посох. Когда он будет у меня в руках, вы получите мальчишку.

– Живого?

– Живого.

– Как можно доверять такому человеку, как Шенегар Тротт? – задал себе риторический вопрос д'Аверк. – Он убьет мальчика, а потом разделается с нами. У вельмож Гранбритании не в обычае держать свое слово.

– Если бы у нас были какие-то гарантии... – прошептал в отчаянии Хоукмун.

В этот момент позади двух друзей раздался знакомый голос, и они удивленно обернулись.

– Немедленно освободи ребенка! У тебя нет выбора, Шенегар Тротт! – прогремел из-под черно-золотого шлема голос Рыцаря.

С другой стороны появился Орланд Фанк со своим чудовищным топором на плече.

– Как вы сюда попали? – поразился Хоукмун.

– Я мог бы задать вам тот же вопрос, – усмехнулся Фанк. – По крайней мере, теперь мы все в сборе и ничто не мешает нам обсудить сложившуюся ситуацию.

ГЛАВА 10

ДУХ РУННОГО ПОСОХА

Граф Суссекский со смехом покачал головой:

– Да пусть вас и стало теперь четверо, что это меняет? У меня за спиной тысяча воинов, и мальчишка тоже у меня в руках. Так что – дорогу, господа. Дайте мне забрать Рунный Посох.

Орланд Фанк лишь усмехнулся в ответ, а Рыцарь-в-Черном-и-Золотом переступил с ноги на ногу. Хоукмун с д'Аверком вопрошающе покосились на них.

– Полагаю, вы кое-что упустили, – произнес Орланд Фанк. – В ваших доводах есть одна слабость.

– Абсолютно никакой, – Шенегар Тротт двинулся вперед.

– А я бы сказал, что есть...

– Тогда какая же?

– Вы думаете, что можете удержать мальчика?

– Я могу убить его прежде, чем вы успеете что-нибудь предпринять.

– Но вы думаете, что ребенок не может освободиться от вас?

– Освободиться... – Шенегар Тротт хохотнул, подняв трепыхающегося ребенка за одежду. – Полубуйтесь!

Вдруг у гранбританца вырвался крик удивления. Дженемайя Коналиас, казалось, вытек из его рук, вытянулся в узкую ленту, которая в искаженном виде сохранила очертания тела мальчика, а потом превратилась в луч света. Музыка в зале стала громче, а запах еще сильнее.

Шенегар попытался схватить этот луч, но тщетно. Он оказался так же неуловим, как и светящиеся тени.

– Клянусь Сферой Хеона, он не человек! – завизжал в бессильной ярости Тротт. – Он не человек!

– А он на это и не притязал, – мягко заметил Орланд Фанк и весело подмигнул Хоукмуну. – Теперь вы с другом готовы к хорошей драке?

– Конечно, готовы! – усмехнулся в ответ Хоукмун.

В это время мальчик (вернее то, что осталось от него), проплыл над их головами и коснулся Рунного Посоха. В воздухе появились новые узоры, а по лицам и доспехам пробежали полосы света.

Орланд Фанк внимательно следил за этими полосами. Лицо оркнейца стало печальным,

когда луч света, который раньше был мальчиком, растворился в Рунном Посохе. Мальчик исчез, а Рунный Посох засиял еще ярче.

– Так кто же он, этот Дженемайя Коналиас?! – воскликнул Хоукмун.

– Ясно кто – дух Рунного Посоха, – ответил Орланд Фанк. – Он редко принимает облик человека. Вам оказана особая честь.

– Тебе пора приготовиться к смерти, граф Суссекский! – прогремел из-под опущенного забрала голос Рыцаря-в-Черном-и-Золотом.

– Вы опять ошибаетесь! – как безумный расхохотался Шенегар Тротт. – Вас четверо, а нас – тысяча. Вы умрете еще до того, как я завладею Рунным Посохом!

Тогда Рыцарь обратился к Хоукмуну:

– Герцог Кельнский, не хотите ли вызвать нам подмогу?

– С удовольствием, – отозвался Хоукмун и поднял над головой розовый меч. – Я вызываю Легион Рассвета!

И зал сразу же озарился розовым сиянием. Появилась сотня свирепых воинов. На них были набедренные повязки из цветной ткани, а в руках они держали громадные дубины с шипами и копья, украшенные пучками волос. Их темные тела и лица были вымазаны яркой краской. От ударов их защищали пластины, привязанные к рукам и ногам сыромятными ремнями. Они окинули зал печальными взорами и запели тягучую погребальную песнь.

Это были воины Рассвета.

И солдаты Ордена Сокола, повидавшие на своем веку всякое, узрев этих дикарей, в ужасе закричали. Шенегар Тротт невольно отшатнулся.

– Я предлагаю вам сложить оружие и сдаться, – решительно заявил Хоукмун.

– Никогда! – замотал головой Тротт. – Нас все равно больше, чем вас!

– Тогда приступим, – сказал Хоукмун и начал спускаться по лестнице навстречу врагам.

Шенегар Тротт выхватил огромный меч и встал в позицию. Хоукмун взмахнул мечом Рассвета, но граф увернулся и сделал выпад, едва не распоров Хоукмуну живот. Что и говорить, Хоукмун в своем легком шелковом наряде был более уязвим, чем Тротт, закованный в латы...

Погребальная песнь воинов Рассвета сменилась грозным воем. Они бросились вслед за Хоукмуном и принялись орудовать дубинами и копьями. Свирепые Соколы доблестно встретили их.

Но вскоре гранбританцы обнаружили, что на месте каждого убитого воина Рассвета появляется новый, и это выбило их из колеи.

Тем временем д'Аверк, Орланд Фанк и Рыцарь-в-Черном-и-Золотом спускались по лестнице, без усталости работая клинками.

Следующим ударом Шенегар Тротт разорвал Хоукмуну рукав рубашки, а удар герцога Кельнского пришелся по маске противника, которая прогнулась, став еще более уродливой.

В тот самый момент, когда Хоукмун отскочил, чтобы нанести последний удар, кто-то ударил его по затылку древком топора. Хоукмун повернулся и, падая, увидел солдата-Сокола. Уже теряя сознание, он успел заметить, как исчезают воины Рассвета. Похоже, они не могли драться, если Хоукмун был в беспамятстве. Он попытался сосредоточиться и взять себя в руки. Но было поздно.

Падая с лестницы лицом вниз, он услышал зловещный смех Шенегара Тротта.

ГЛАВА 11 ГИБЕЛЬ БРАТА

Прошло какое-то время, и Хоукмун, наконец, пришел в себя. Откуда-то, как сквозь пелену, до него доносились звуки внешнего мира и шум отдаленной битвы. Тряхнув головой, Хоукмун попытался подняться на ноги, но сразу не смог сделать этого, поскольку его придавило по меньшей мере четырьмя трупами. Что ж, его друзья сумели славно за себя

постоять.

С трудом выбравшись из-под груды тел, Хоукмун обнаружил, что Шенегар уже тянется к Рунному Посоху. Там же находился Рыцарь-в-Черном-и-Золотом. Его ранили, когда он пытался помешать гранбретанцу добраться до Рунного Посоха.

Шенегар Тротт поднял огромную булаву и обрушил ее на шлем Рыцаря. Шлем сплюснулся, и Рыцарь зашатался.

Хоукмун набрал в легкие воздуха и хриплым голосом закричал:

– Легион Рассвета! Вернись ко мне!

И тогда вновь появились воины в розовом сиянии. Они бросились в атаку, рассекая ряды застывших от удивления Соколов.

Шатаясь, Хоукмун начал подниматься по лестнице, но на него повалилось тело в черно-золотых доспехах. Герцог подхватил падающего Рыцаря, будучи уверен, что под доспехами уже не бьется сердце.

Хоукмун горько пожалел о человеке, к которому раньше не испытывал особой симпатии. Он попытался открыть забрало, чтобы увидеть лицо загадочного Рыцаря, направившего их сюда. Но забрало не поддавалось – его нельзя было сдвинуть ни на дюйм: так деформировался шлем от удара Шенегара Тротта.

– Рыцарь...

– Рыцарь убит! – Шенегар Тротт сорвал с себя маску и с победоносным видом протянул руку к Рунному Посоху. – И твоя смерть близка, Дориан Хоукмун!

Хоукмун выпустил из рук мертвое тело и с воплем ярости взлетел по лестнице к своему врагу. Шенегар Тротт обернулся, отступая от Рунного Посоха, и вновь поднял свою булаву.

Хоукмун увернулся от удара и, приблизившись к Тротту, сцепился с ним на верхней ступеньке. Повсюду шла кровавая резня.

Краем глаза Хоукмун разглядел д'Аверка, который отчаянно бился с пятью Соколами. Рубашка д'Аверка превратилась в кровавые лохмотья, левая рука бессильно висела. Орланд Фанк вращал над головой своим громадным топором, оглашая зал страшным боевым кличем.

– Ты умрешь, Хоукмун! – прорычал Тротт, и Хоукмун был поражен силой его ударов. – Ты должен умереть, чтобы Рунный Посох стал моим!

– Он никогда не станет твоим! Им не может владеть человек! – Хоукмун изо всех сил рванулся вперед и, прорвав оборону Шенгара Тротта, нанес ему удар прямо в лицо. Граф завизжал, но продолжал наступать, и тогда герцог Кельнский пнул Тротта сапогом в грудь. Граф скатился с помоста, но, ослепленный яростью, вскочил и снова бросился на Хоукмуна. И наткнулся на Меч Рассвета. Так и умер Шенегар Тротт: с непристойным ругательством на устах, бросив последний взгляд на вожделенный Рунный Посох.

Хоукмун осмотрелся. Легион Рассвета заканчивал свою работу, добивая последних врагов. Д'Аверк и Орланд Фанк устало прислонились к перилам.

Когда умер последний гранбретанец, Легион Рассвета исчез.

Хоукмун посмотрел на труп Шенегара Тротта и нахмурился:

– Одного мы уничтожили. Но где побывал один, там жди другого. Днарк никак не защищен от Империи Мрака, и...

Фанк чихнул и вытер нос рукавом.

– Именно ты и должен обеспечить безопасность Днарка и безопасность остального мира, если уж на то пошло.

– Как я могу это сделать? – саркастически усмехнулся Хоукмун.

Фанк открыл рот, чтобы ответить, но вместо слов с его губ сорвался стон:

– Брат! – Фанк увидел неподвижное тело Рыцаря-в-Черном-и-Золотом. Он, шатаясь, спустился по лестнице и обнял мертвеца.

– Он мертв, – мягко проговорил Хоукмун. – Он пал от руки Шенегара Тротта, а я убил Тротта...

По лицу Фанка катились слезы.

Хоукмун и д'Аверк отвернулись от плачущего воина и осмотрели зал Рунного Посоха, весь заваленный трупами. Даже узоры, мельтешащие в воздухе, приняли красноватый оттенок. Горько-сладкий аромат не мог заглушить запах смерти.

Хоукмун вложил в ножны Меч Рассвета.

– Теперь-то нам можно вернуться в Европу, хотел бы я знать? – произнес Хоукмун. – Мы выполнили свою задачу – спасли Рунный Посох...

Его прервал знакомый нежный голос. Обернувшись, Хоукмун увидел Дженемайю Коналиаса. Тот стоял в центре помоста с Рунным Посохом в руках.

– Теперь, герцог Кельнский, ты возьмешь то, что заслужил по праву, – сказал мальчик. В его раскосых глазах светилась улыбка. – Ты вернешься в Европу, а Рунный Посох поможет тебе решить судьбу Земли.

– В Европу?! Я думал, что его нельзя увозить из Днарка!

– Можно, но не всякому. А ты, как избранник Рунного Посоха, можешь взять его. Служи ему верой и правдой. Защищай его! И он защитит тебя.

– А в чем его секрет? – поинтересовался д'Аверк.

– Он будет с вами как символ. Пусть все люди знают, что Рунный Посох на вашей стороне. Расскажи всем, что барон Мелиадус посмел поклясться Рунным Посохом и этим предопределил дальнейшие события, которые приведут к гибели одного из вас. Иди и вторгнись в Гранбританию, если сможешь это сделать, или погибни. Грядет последняя и величайшая великая битва – битва между бароном Мелиадусом и герцогом Хоукмуном. А арбитром в ней будет Рунный Посох.

Хоукмун молча принял Посох. Он был холодным на ощупь и очень тяжелым, а вокруг него все еще переливались цветные узоры.

– Благодарю тебя! – тихо сказал Хоукмун.

– Великие Добродетельные Люди помогут вам вернуться домой, – добавил мальчик. – Прощай, Хоукмун.

– Прощай. Куда же ты отправишься теперь?

– Туда, где я должен быть.

И вдруг мальчик снова стал вытягиваться, превращаясь в луч золотистого света, какое-то время еще сохраняя подобие человеческого тела. Потом он как бы влился в Рунный Посох, и в маленьком холодном предмете сразу же заиграли жизнь, тепло и свет.

Хоукмун с трепетом спрятал Рунный Посох за пазуху.

Когда они выходили из зала, д'Аверк заметил, что Орланд Фанк все еще плачет.

– Что тебя так расстраивает? – спросил д'Аверк. – Ты все еще горюешь о человеке, который был тебе братом?

– Да... Но еще больше я горюю о своем сыне.

– О сыне? А что с ним?

Орланд Фанк указал в сторону Хоукмуна:

– Он у него.

– О чем это ты?

– Я знаю, что так и должно быть, – тяжело вздохнул Фанк. – Но я все-таки человек и могу плакать... Я говорю о Дженемайе Коналиасе.

– О мальчике? О Духе Рунного Посоха?

– Да, он был моим сыном или мной самим... Я никогда не мог понять всего этого...

Часть вторая

«Известно, что человек, поклявшийся Рунным Посохом, должен либо исполнить свой обет, либо погибнуть. Это предопределено всем ходом событий, которые последуют за клятвой. А барон Мелиадус Кройденский дал такой зарок, пожелав отомстить всем обитателям замка Брасс. Он поклялся, что Иссельда, дочь графа

Брасса, будет принадлежать ему. В тот злополучный день, много месяцев назад, возник новый узор на ткани истории, а бароном овладели смутные, противоестественные желания. Именно тогда Хоукмун оказался втянут в опасное приключение. Но теперь история эта близилась к завершению. И развязку эту едва ли можно было назвать счастливой...»

Из «Летописи Рунного Посоха»

ГЛАВА 1 РАЗГОВОР НА ВЕРАНДЕ

Балкон, где устроились собеседники, выходил на реку Тайму, которая струила свои кроваво-красные волны мимо причудливых и мрачных башен Лондры. Время от времени над ними, лязгая сталью, пролетал орнитооптер, блестящая металлическая птица. По реке баржи, украшенные бронзой и слоновой костью, везли с побережья награбленную добычу, пленных женщин, мужчин и детей, угодивших в рабство к повелителям Империи Мрака.

Тяжелый пурпурный бархатный занавес, украшенный алыми шелковыми кистями, скрывал людей, сидевших на балконе, от любопытных взглядов со стороны, а тень скрывала их от людей на баржах.

Посреди балкона красовался витой медный столик и два позолоченных кресла с синей бархатной обивкой. На богато инкрустированном подносе стоял кувшин из темного стекла, наполненный вином, и пара бокалов. По обеим сторонам двери, ведущей на веранду, стояли обнаженные девушки. Румяна украшали не только их лица, но и груди, и лобки. Всякий, кто был знаком со знатью Лондры, сразу узнал бы в них рабынь барона Мелиадуса Кройденского, ибо единственной их одеждой были румяна и пудра – на этом настаивал барон.

Одна из девушек – блондинка, устремившая неподвижный взгляд на реку – скорее всего была взята в плен в Германии, а другая – темноволосая – несомненно была родом из какого-нибудь городка на Ближнем Востоке, тоже присоединенного бароном к своим владениям.

В позолоченных креслах сидели мужчина и женщина. Женщина была одета в богатую парчу. Ее наряд дополняла серебряная маска Цапли. Плечи мужчины, одетого в костюм из черной кожи, увенчивала огромная маска, изображавшая морду оскалившегося черного волка. Он опустил в свой бокал золотую трубочку, вставил ее в крохотное отверстие напротив рта, скрытого под маской, и стал медленно потягивать вино.

Мужчина и женщина молчали. До них доносились лишь шум проплывающих барж, плеск волн, разбивающихся о гранит набережной, визг или смех из башен замка и мерное хлопанье крыльев орнитооптера высоко над ними.

Наконец человек в маске Волка заговорил тихим, приятным голосом. Не поворачивая головы, женщина дала понять, что слышит, но продолжала смотреть на кроваво-красную воду.

– Ты, Флана, знаешь, что сама находишься под подозрением? Король Хеон думает, что именно с тобой как-то связано таинственное безумие, охватившее стражников в ночь исчезновения эмиссаров из Краснокитая. Естественно, я рискую своим положением, встречаясь с тобой в такой обстановке, но я думаю лишь о нашей великой родине, о славе Гранбритании... – говоривший сделал паузу, ожидая ответа, но так его и не дождался. – Совершенно очевидно, Флана, что нынешняя ситуация при дворе – не лучшая для Империи. Я, конечно, восторгаюсь эксцентричностью, и все такое... Но есть существенная разница между эксцентричностью и старческим маразмом. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Флана Микосеваар опять промолчала.

– Я полагаю, – продолжал мужчина, – что нам нужен новый правитель. Есть лишь один

человек, который находится в прямом родстве с Хеоном и которого все примут в качестве сюзерена, законного наследника трона Империи Мрака.

Не последовало никакого ответа.

Мужчина в волчьей маске нагнулся к женщине:

– Флана?

Маска Цапли повернулась, взгляд скользнул по маске оскалившегося Волка.

– Флана, ты могла бы стать королевой-императрицей Гранбритании! Если я стану твоим регентом, мы сможем обеспечить безопасность нашей страны и завоеванных территорий. Мы сделаем Гранбританию еще более великой и завоюем весь мир!

– А что нам делать с миром, когда он будет принадлежать нам? – прервала собеседника Флана Микосеваар.

– Наслаждаться и пользоваться им!

– Но разве нельзя устать от насилия, грабежей и убийств? От пыток и ненависти?

Казалось, Мелиадус озадачило ее замечание.

– Пресытиться можно, конечно, чем угодно. Но нельзя забывать и о другом. Об экспериментах Калана и Тарагорма, если уж на то пошло. Имея в своем распоряжении ресурсы всего мира, наши ученые смогут творить чудеса! Они даже смогут построить для нас космические корабли, подобные тому, на котором, если верить легендам, был доставлен на Землю Рунный Посох. Мы отправимся к новым мирам и завоюем их! И таким образом гранбританская экспансия будет продолжаться миллионы лет!

– Значит, мы ищем всего лишь приключений и острых ощущений. Так, Мелиадус?

– Да, а почему бы и нет? Вокруг нас лишь хаос, и все бессмысленно – даже наша жизнь. Есть только одно, что может оправдать наше существование... Мы должны попробовать все ощущения, какие только способны испытать человеческая душа и тело. Это ведь наверняка займет миллион лет?

– Верно, это наше кредо, – кивнула, вздохнув, Флана. – Пожалуй, я могу согласиться с тобой, Мелиадус. Ведь то, что ты предлагаешь, не скучнее всего остального, – она пожала плечами. – Ладно, я стану королевой, когда это будет необходимо. А если король Хеон обнаружит нашу измену, что ж, смерть будет для нас только облегчением.

Услышав это, Мелиадус поднялся из-за стола, слегка потеряв свой апломб.

– Надеюсь, пока не придет время, ты никому ничего не скажешь, Флана?

– Не беспокойся, я никому ничего не скажу.

– Хорошо. Теперь я должен навестить Калана. Мой замысел привлек его, поскольку открывает большой простор научным экспериментам. Тарагорм тоже со мной...

– Ты доверяешь Тарагорму? Всем известно, как вы ненавидите друг друга...

– Да, это правда. Но теперь ненависть сменилась дружбой. А дело вот в чем... Как ты помнишь, наша вражда началась, когда он женился на моей сестре, с которой я сам хотел обвенчаться. Но моя сестра, как я слышал, согрешила с ослом, и Тарагорм застал ее на месте преступления. После чего рабы убили и мою сестру, и осла. Нам с Тарагормом пришлось вдвоем разобраться с этими рабами. Тогда-то мы и восстановили наши отношения. Тарагорму можно доверять, а он чувствует, что король Хеон препятствует его исследованиям.

Все это время они беседовали шепотом, так что даже рабыни у двери не могли их расслышать.

На прощание Мелиадус поклонился Флане, щелкнул пальцами, подавая рабыням знак принести носилки и доставить его домой.

Флана осталась в задумчивости. Она продолжала глядеть на воду, едва ли думая о замысле Мелиадуса. Она скорее грезилась о красавце д'Аверке и о том времени, когда они смогут встретиться вновь. Графиня мечтала о том, как д'Аверк унесет ее куда-нибудь далеко от Лондры и от всех гнусных дворцовых интриг. Может быть, они отправятся во Францию, где находятся поместья, когда-то ему принадлежавшие, и которые она, став королевой, сможет ему вернуть...

Она подумала, что для нее все же будет выгодно стать королевой-императрицей. Тогда она сможет выбрать себе мужа, и им обязательно станет д'Аверк. Она простит ему все его преступления против Гранбретании и, наверное, помилует его друзей – Хоукмуна и остальных.

Но, судя по всему, Мелиадус не пощадит всех, если даже и согласится отменить смертный приговор д'Аверку.

Наверное, ее замысел не отличался мудростью. Она вздохнула, подумав о том, что все это ей абсолютно безразлично. Глупо надеяться на то, что д'Аверк до сих пор еще жив. В то же время Флана не видела никакой причины, мешающей ей принять хотя бы пассивное участие в заговоре Мелиадуса.

Графине Флане трудно было себе представить степень его отчаяния, если барон решился на такое. Ведь за две тысячи лет правления Хеона ни один гранбретанец не смел даже подумать о свержении короля.

ГЛАВА 2

МЫСЛИТЕЛЬНАЯ МАШИНА

Калан Витальский медленно провел бледными старческими пальцами по маске Змеи, скрывавшей его лицо. На дрожащих руках его проступили вены, похожие на голубых змеек. Он находился в просторном зале с высокими сводчатыми потолками, где была расположена главная лаборатория. Повсюду здесь проводили эксперименты люди, затянутые в доспехи, в масках Ордена Змеи, возглавляемого бароном Каланом. Загадочные устройства издавали странные звуки, источали резкие запахи, а вокруг вспыхивали и сверкали крохотные разноцветные молнии.

Для непосвященного взгляда зал этот как нельзя более напоминал преисподнюю. Ученые производили здесь эксперименты над человеческим разумом и телом. Они присоединяли людей к машинам. Некоторые из подопытных рабов дергались, стонали и кричали, будто умалишенные. Эти крики раздражали экспериментаторов, и они запихивали во рты особо буйных кляпы или вообще удаляли голосовые связки, добиваясь таким образом тишины.

Калан опустил руку на плечо Мелиадуса и показал на бездействующую машину:

– Вы помните ее? Это машина ментальности. Мы ее использовали для проверки разума Хоукмуна.

– Да, – пробурчал Мелиадус. – Именно это и заставило нас поверить, что он будет нам предан.

– Мы исходили лишь из известных нам факторов, не учитывая тех, которые не могли предвидеть, – отозвался Калан, защищая себя и свое изобретение. – Но я не потому упомянул о ней. Сегодня утром меня попросили использовать машину...

– Кто?

– Сам король-император. Он вызвал меня в тронный зал и сообщил, что желает проверить одного из придворных.

– И кого же?

– А как вы думаете, милорд?

– Меня?! – возмутился Мелиадус.

– Да, именно вас. Я думаю, что он усомнился в вашей преданности, барон.

– Как вы думаете, это серьезно?

– Не очень. Похоже, Хеона беспокоит то, что вы чересчур сосредоточены на своих личных замыслах и мало внимания уделяете интересам престола. Ему, скорее всего, хотелось бы узнать, насколько сильна ваша преданность и не оставили ли вы свои помыслы...

– И ты намерен подчиниться его приказу?

– А что, ты предлагаешь игнорировать его? – поинтересовался Калан.

– Нет... Но что же нам делать?

– Придется поместить тебя в машину ментальности. Но я думаю, что сумею получить нужные нам результаты, – Калан тихо засмеялся. – Ну как, Мелиадус, начнем?

Мелиадус медленно, с явной неохотой двинулся вперед, напряженно глядя на блестящую машину из красно-синего металла с различными выступами, тяжелыми членистыми суставами и приборами неизвестного назначения. Единственной округлой частью в ее конструкции был огромный колокол, подвешенный с помощью специальной системы, чем-то напоминающей гильотину.

Калан включил рубильник и сделал жест рукой, как бы извиняясь:

– Раньше мы держали машину в специальном зале. Но в последнее время стало катастрофически не хватать места для наших опытов. Это и есть одна из моих претензий. Как же можно от нас чего-то требовать, не создав соответствующих условий?

Из машины послышался звук, похожий на дыхание какого-то гигантского зверя. Мелиадус отступил на шаг. Калан снова тихо засмеялся и сделал служителям в змеиных масках знак, чтобы те подошли и помогли ему в работе с машиной.

– Будь добр, Мелиадус, встань под этот колокол, а мы опустим его.

Мелиадус окинул их подозрительным взглядом и занял место под колоколом. Колокол начал медленно опускаться, пока полностью не закрыл барона. Мягкие, похожие на плоть стенки изогнулись, заключая в себя его тело. Затем у барона появилось ощущение, будто в его мозг всадили раскаленную иглу, проникающую все глубже и глубже. Он попробовал было закричать, но голос его не слушался... У него начались галлюцинации, перемежающиеся с воспоминаниями о прошлом. Перед глазами проплывали битвы и казни, то и дело появлялось ненавистное лицо Дориана Хоукмуна, повторяясь в миллионах искаженных образов. И возникало прекрасное лицо Иссельды Брасс – женщины, которую он желал больше всех других женщин мира. Постепенно перед ним прошла вся его жизнь. Он вспомнил все, что с ним происходило, о чем он когда-либо думал и мечтал. Все... Но не в хронологическом порядке, а в порядке важности событий. И надо всем довлела его страсть к Иссельде, ненависть к Хоукмуну и замыслы о свержении короля Хеона.

Затем колокол поднялся, и Мелиадус снова увидел маску Калана. Как ни странно, но барон ощутил вдруг себя душевно очистившимся и испытывал теперь небывалый подъем духа.

– Ну, Калан, что ты обнаружил?

– Пока что ничего нового. Для получения окончательных результатов потребуется час-другой, – он хихикнул. – Император, увидев их, здорово бы позабавился!

– Надеюсь, он их не увидит.

– Он увидит несколько другое. Что твоя ненависть к Хоукмуну становится меньше, а любовь к императору – постоянна и глубока. Не зря говорят, что любовь и ненависть идут рука об руку! Так что твоя ненависть к Хеону, при незначительном вмешательстве с моей стороны, превратится в любовь.

– Хорошо. Давай теперь обсудим наши планы. Во-первых, мы должны найти способ вернуть замок Брасс в нашу плоскость или же найти путь туда. Во-вторых, нужно каким-то образом вдохнуть жизнь в Черный Камень, что находится во лбу у Хоукмуна. И тогда он вновь окажется в нашей власти. И, наконец, необходимо изобрести оружие, которое поможет нам победить Хеона.

– Конечно, – согласился Калан. – Уже все для этого есть: и новые металлы, и новые устройства, изобретенные мною для наших кораблей...

– Для тех, которыми сейчас командует Тротт?

– Да, эти двигатели гонят суда намного быстрее и на большие расстояния. Пока что ими оснащены только корабли Тротта. Он скоро должен прислать нам сообщение.

– А куда Тротт направился?

– Я не уверен, но думаю, что в Краснокитай... Да, путь не близкий!

– Допустим, что так, – согласился Мелиадус. – И все же давай не будем говорить о Тротте и обсудим наши дальнейшие действия. Тарагорм тоже думает над тем, как нам

добраться до замка Брасс.

– Да, ему следует серьезно этим заняться, а я постараюсь активизировать Черный Камень, – предложил Калан.

– Давай, – согласился Мелиадус. – Но я еще посоветуюсь с Тарагормом и скоро вернусь.

С этими словами Мелиадус призвал своих рабынь с носилками. Он уселся в носилки, на прощание махнул рукой Калану и приказал девушкам нести себя во Дворец Времени.

ГЛАВА 3 ВЛАДЫКА ДВОРЦА ВРЕМЕНИ

Вскоро Мелиадус явился во дворец Тарагорма, выстроенный в форме огромных часов. Повсюду здесь слышался стук, лязг, жужжание и тиканье маленьких и больших маятников. Тарагорм в своей маске-Часах, показывающих абсолютно точное время, взял Мелиа-дуса под руку, и они вместе прошли через Зал Маятника. Гигантская медная чаша в пятьдесят тонн весом, сделанная в форме пылающего солнца, через весь зал ходила взад и вперед.

– Что скажешь, брат? – окликнул Мелиадус Тарагорма, стараясь перекрыть шум механизмов. – Ты прислал мне сообщение, что у тебя имеется некая добрая вест для меня, я решил, что должен тут же увидеться с тобой.

– Да, я подумал, что лучше всего передать тебе новость лично, – Тарагорм повел Мелиадуса через короткий коридор в небольшое помещение, где стояли одни, но очень старые часы.

Барон затворил дверь, и наступила относительная тишина. Тарагорм показал на часы:

– Это, вероятно, самые старые часы в мире. Их сделал мастер Томас Томпсон, а теперь эту вещь называют «Старым Томпсоном».

– Никогда не слыхал о таком...

– Мастер-ремесленник – величайший в своем веке. Он жил задолго до Тысячелетия Ужаса.

– В самом деле? И это имеет какое-нибудь отношение к тому, что ты хотел мне сказать?

– Конечно, нет, – Тарагорм хлопнул в ладоши, и сразу же открылась боковая дверь. К ним навстречу шагнул тощий оборванец, лицо которого было скрыто под простой маской из потрескавшейся кожи. Человек отвесил Мелиадусу экстравагантный поклон.

– Кто это?

– Эльверезо Тозер. Ты помнишь, кто он?

– Конечно. Это он украл кольцо у Майгана, а затем исчез.

– Правильно. Расскажи-ка барону Мелиадусу, где ты был, Тозер!..

Тозер вновь поклонился, потом уселся на край стола, свесив ноги.

– Да не был я нигде, кроме замка Брасс.

Мелиадус внезапно подпрыгнул и, мгновенно оказавшись в другом конце комнаты, вцепился в пораженного Тозера.

– Где ты был? – зарычал он, тряся Тозера за рубашку.

– В 3-3-замке Брасс, ваша честь...

Мелиадус встряхнул Тозера, подняв его за шиворот:

– Как? Как ты попал туда?

– Совершенно случайно... Я был взят в плен Хоукмуном Кельнским. У меня отняли мое кольцо, но я сумел вернуть его и бежал сюда... – на одном дыхании выпалил Тозер.

– Он принес с собой кое-какие чрезвычайно интересные сведения, – добавил Тарагорм. – Расскажи ему, Тозер!

– Существует такая машина, которая удерживает замок Брасс в другой плоскости и гарантирует его безопасность. Она находится в подземелье замка и тщательно охраняется. Ее

привезли из местечка под названием Сориандум. Сделана она из какого-то кристалла.

– Это правда, Мелиадус, – засмеялся Тарагорм. – Я проверил слова Тозера раз десять. Я слышал об этой кристаллической машине, но даже не подозревал, что она еще где-то используется. Но если обобщить все сведения, которые передал мне Тозер, то... мне думается, я смогу сделать все, что требуется.

– Как, ты сможешь помочь нам найти дорогу в другую плоскость, к замку Брасс?!

– Все гораздо проще, чем ты думаешь... Я верну замок Брасс в нашу плоскость! И в самые кратчайшие сроки.

С минуту Мелиадус молча смотрел на Тарагорма, а потом громко засмеялся, почти заглушая стук часов:

– Наконец-то! Наконец-то! Спасибо тебе, брат! Спасибо, Тозер! Судьба определенно на моей стороне!

ГЛАВА 4 ВОЛЯ КОРОЛЯ

На другой день Мелиадусу объявили, что он должен немедленно явиться в тронный зал к королю Хеону.

Всю дорогу до дворца с лица Мелиадуса не сходила озабоченность. «Возможно, – гадал он, – предал Калан, сообщив королю истинные результаты проверки. Или же Хеон сам догадался, что дело неладно... Ведь за две тысячи прожитых лет он наверняка многое узнал о людях. Как знать? Возможно, Хеон сумел раскусить фальшивку, сработанную Каланом». Мелиадус ощутил приступ страха. А вдруг король велит стражникам-Богомолам уничтожить его, едва лишь он ступит на порог тронного зала?

Огромные створки дверей бесшумно разошлись, и Мелиадус с опаской уставился на стражников, выстроившихся в две шеренги. В противоположном конце, темная и загадочная, висела Тронная Сфера.

Барон направился к Тронной Сфере и, приблизившись, склонился в ожидании. Но Сфера долгое время оставалась темной и непроницаемой, как будто испытывала Мелиадуса.

Но вот наконец она окрасилась – сначала в зеленый, потом в розовый и белый цвета – и открыла скорченную фигурку короля, который пристально уставился на Мелиадуса:

– Барон...

– Благороднейший из правителей...

– Мы довольны тобой!

– Великий император... – поднял удивленные глаза Мелиадус.

– Мы довольны тобой и хотим оказать тебе честь...

– Могущественный владыка...

– И вот какую. Ты ведь знаешь, что Шенегар Тротт отправился с особой экспедицией?

– Знаю, о Влиятельный Монарх.

– А знаешь, куда?

– Нет, о Свет Вселенной.

– Он направился в Амареки, чтобы выяснить, встретим ли мы там сопротивление, если высадим на побережье свои войска.

– Значит, он встретил там сопротивление, о Бессмертный Правитель?...

– Да, мы озабочены его молчанием. Еще неделю назад Тротт должен был прислать сообщение.

– Благородный император, вы думаете, что он убит?

– Вот нам и хотелось бы это выяснить, барон. И узнать, кто его убил. Поэтому мы думаем доверить вторую экспедицию тебе.

Мелиадуса охватила ярость при мысли, что ему предлагают играть вторую скрипку после этого толстого шута Тротта. Он, Мелиадус, теряя время, должен рыскать вдоль берегов континента в надежде обнаружить останки Тротта. Он не потерпит ничего

подобного!

Мелиадус в тот же миг напал бы на Тронную Сферу, если бы не был уверен, что этот бессмертный маразматик тут же прикажет страже убить его.

Граф проглотил оскорбление, и в его голове начал складываться новый замысел.

– Это большая честь для меня, король, – произнес он с притворным уничижением. – Мне самому подобрать экипажи кораблей?

– Как пожелаешь.

– Тогда я возьму надежных людей – своих Волков и воинов Ордена Стервятника.

– Но они же не моряки! Они даже не морская пехота!

– Среди Стервятников есть моряки, о Император Всего Мира, и я отберу именно их.

– Как пожелаешь, барон Мелиадус.

Мелиадус был поражен, узнав, что Тротт отплыл в Амарек. Еще бы, значит Хеон доверил графу Суссекскому задание, которое по праву должен был выполнять Мелиадус. Он сказал себе, что это еще один счет, который королю придется оплатить.

Мелиадус был рад, что дождался своего часа, и сделал вид, что покорился приказу короля – теперь уже своего основного врага, если не считать Хоукмуна.

На миг Мелиадус сделал вид, что раздумывает, а потом предложил:

– Если ты считаешь, что Стервятники не заслуживают доверия, о Монарх Пространства и Времени, то нельзя ли мне взять с собой их предводителя?

– Их предводителя? Но Азровак Микосеваар мертв, его убил Хоукмун!

– Да... Но его вдова унаследовала титул магистра.

– Флана! Женщина!

– Да, великий император. Я полагаю, она с ними управится.

– Странно, графиня Канберийская настолько рассеянна, что, мне кажется, она не управится и с кроликом. Но если ты так хочешь, милорд, пусть так и будет...

Около часа они подробно обсуждали детали предстоящего похода. Хеон поведал Мелиадусу все, что знал об экспедиции Тротта. Мелиадус ушел, и его глаза, невидимые под маской, сияли торжеством.

ГЛАВА 5 ФЛОТ В ДЮ-ВЕРЕ

Немногочисленный флот стал на якорь в мертвенно-бледных водах бухты города Дю-Вера. Отсюда виднелись его башни и набережная из красного камня. Тысячи орнитоптеров, сработанных в виде мифических зверей и птиц, располагались на плоских крышах домов, а внизу по улицам расхаживали пилоты в масках Ворона и Совы, смешиваясь с мореходами в масках Рыб и Морских Змеев.

Здесь также были пехота и кавалерия – Свиньи, Черепахи, Псы, Козлы и Быки. Все они готовились пересечь пролив, но не на кораблях, а по прославленному Серебряному мосту, который, сверкая и переливаясь всеми цветами радуги, изгибался огромной дугой и пропускал через себя большой поток людей – с континента и обратно.

На судах в порту толпились солдаты в масках Волков и Стервятников. Они были до зубов вооружены копьями, мечами и луками. Один из знаменосцев держал в руках знамя магистра Ордена Волка, а другой – магистра Ордена Стервятников (бывшего Легиона Стервятников, получившего свой высокий статус за битвы в Европе и в память его кровожадного предводителя Азровака Микоосеваара).

С кораблей сняли все паруса, а вместо них установили громадные водяные колеса, сделанные из украшенного искуснейшей резьбой дерева и металла, покрытого причудливыми узорами. Борту корабля украшали панели с картинами, изображавшими прежние морские победы Гранбритании. А на носках были установлены позолоченные фигуры, представляющие собой ужасных древних богов Гранбритании, которые, по преданиям, правили страной до Тысячелетия Ужаса – Йхоуна, Ихорга, Пхойла, Рхунга...

Здесь же были: Чиршил, Воющий Бог; Джейджи Блад, Стонущий Бог; Бйрин Адасс, Поющий Бог; Идхим Слас, Плачущий Бог; Арал Вилсн, Рычащий Бог – верховный бог Гранбритании, отец Сквеса и Блансветида – богов Рока и Хаоса.

На мостике флагманского корабля возвышалась зловещая фигура барона Мелиадуса, а рядом с ним стояла графиня Флана Микосеваар.

Капитаны кораблей в масках Волка и Стервятника начали собираться здесь же внизу под мостиком. Они выжидающе глядели на барона.

Мелиадус откашлялся.

– Все вы, наверное, господа, гадаете о цели нашего плавания и пытаетесь понять, что это за странные корабли, на которых мы поплывем. Скажу вам, ибо здесь нет никакой тайны. Они снабжены двигателями – наподобие тех, что движут наши орнитоптеры, но намного мощнее. Эти двигатели изобрел герой Гранбритании барон Калан Витальский. Они могут нести нас через водные просторы гораздо быстрее, чем паруса, и независимо от воли стихии. Что же касается цели нашего плавания, то я расскажу вам об этом чуть позже. Этот корабль назван «Арал Вилсн» – в честь верховного бога древней Гранбритании. Его братья-корабли «Сквес» и «Блансветид» представляют древнюю, мрачную и кровавую славу нашей земли. Славу, которой, я уверен, все вы гордитесь... – Мелиадус перевел дыхание. – Вы не хотели бы оказаться недостойными ее, господа?

Ответом был мощный рев:

– Нет! Нет! Клянусь Аралом Вилсном! Клянусь Сквесом и Блансветидом! Нет!

– И вы сделаете все, чтобы Гранбритания сохранила свое могущество и свою неувядаемую славу?

– Да! Да!

– И вы все будете со мной заодно в той безумной аванюре, которая ожидает «Арал Вилсн» и его собратьев?

– Да! Скажи нам, что произойдет! Скажи!

– А вы не откажетесь от затей? Последуете за мной до конца?

– Да! – в едином порыве выкрикнули более двух десятков глоток.

– Тогда следуйте за мной в каюту, и я изложу вам план со всеми подробностями. Но предупреждаю, если вы туда войдете, вам придется следовать за мной всегда. В противном случае вам не удастся покинуть каюту живыми!

Мелиадус сошел с мостика и направился в каюту. Все до единого последовали за ним.

Темная каюта барона освещалась только одним тусклым фонарем. На столе лежали карты, но Мелиадус не собирался сверять по ним курс.

– Не буду больше терять времени, господа, – произнес барон низким вибрирующим голосом, – а сразу же сообщу вам о характере нашей авантюры. Мы затеваем измену... – он откашлялся. – Нам предстоит поднять бунт против нашего правителя, короля-императора Хеона.

В каюте прозвучало несколько возгласов недоумения, и маски Волков и Стервятников с величайшим вниманием обратились к Мелиадусу.

– И не мое честолюбие побуждает меня к этому замыслу, а любовь к родной стране. Король Хеон безумен! – выпалил Мелиадус. – Две тысячи лет, прожитые им, омрачили его рассудок, а не придали ему мудрости. Наша экспедиция, например, должна отправиться в Амареку, чтобы узнать, нельзя ли завоевать этот континент. И это тогда, когда мы только что покорили Ближний Восток и есть еще части Московии, не принадлежащие нам!

– А вместо Хеона станете править вы, барон? – цинично съязвил капитан Стервятников.

– Вовсе нет, – покачал головой Мелиадус. – Нашей королевой станет Флана Микосеваар. Стервятники и Волки займут места Богомоллов – тех, кто пользуется королевской милостью сейчас. Ваши ордена будут принадлежать к числу высших...

– Но ведь Стервятники – орден, состоящий из наемников, – заметил капитан Волков.

– Они доказали свою преданность Гранбритании, – вступился за них Мелиадус. – К тому же многие из наших высших орденов сейчас разлагаются... Империи Мрака нужна

свежая кровь.

Еще один капитан Стервятников вступил в разговор:

– Так значит, Флана будет нашей королевой-императрицей... А вы, барон?

– Регентом и консортом. Я женюсь на Флане и буду ее первым помощником в государственных делах.

– Значит, вы станете настоящим королем-императором во всем, кроме титула, – добавил тот же капитан-Стервятник.

– Верно, я буду могуществен! Но в жилах Фланы течет королевская кровь. Она ваша королева-императрица по праву. Я буду всего лишь главнокомандующим, а все остальные государственные дела предоставлю ей. Потому что моя жизнь – это война, господа. И я только желаю изменить тактику наших военных действий.

Казалось, капитаны были удовлетворены.

– Поэтому вместо того, чтобы отплыть с утренним отливом в Амареку, – продолжал Мелиадус, – мы пройдем немного вдоль побережья, дожидаясь своего часа. А затем вернемся в устье Таймы, поднимемся вверх по течению до Лондры и прибудем в центр города раньше, чем кто-либо догадается о наших намерениях.

– Но ведь Хеон хорошо защищен! И взять штурмом его дворец практически невозможно! В городе наверняка есть преданные Хеону ордена, – предостерег еще один из военачальников – капитан Волков.

– У нас в городе тоже будут союзники! Многие пойдут за нами. На нашей стороне и Тарагорм, а он после смерти своего кузена стал наследным командиром нескольких тысяч воинов. Конечно, Орден Хорька невелик, но большая его часть находится сейчас в Лондре, а не в Европе, где размещены основные силы других орденов, которые охраняют наши владения. Все вельможи, которые приняли бы сторону Хеона, сейчас на материке. Так что для нанесения удара время выбрано превосходно. Барон Калан тоже поможет нам новым оружием и предоставит своих подчиненных – Змей. Если мы добьемся быстрой победы или даже незначительных успехов, то вполне вероятно, что к нам присоединятся и другие, потому что немногие испытывают любовь к королю Хеону и в глубине души все будут рады, если на троне окажется Флана.

– Моя преданность королю всегда была непоколебима, – признался один из Волков. – Она у меня врожденная.

– Так же, как верность духу Арала Вилэна и всему, что собой символизирует Гранбретания?... Разве эта преданность не врожденная? Разве она не сильнее верности королю?

Капитан некоторое время размышлял, а потом кивнул:

– Да, вы правы. С появлением новой императрицы на троне к нам вернется все наше величие.

– Оно вернется, обязательно вернется! – яростно пообещал Мелиадус, сверкая черными глазами в отверстиях маски.

ГЛАВА 6

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЗАМОК БРАСС

По щекам Иссельды текли слезы радости. Она никак не могла заставить себя поверить, что перед ней ее возлюбленный муж. Она боялась даже дотронуться до него. Вдруг это всего лишь призрак, тень, которая растает при первом же прикосновении. Хоукмун со смехом шагнул вперед и стиснул любимую в объятиях, осушив ее слезы поцелуями. Лишь тогда на устах ее заиграла улыбка, а лицо вспыхнуло от радости:

– Ах, Дориан, мы так боялись, что вы погибли в Гранбретании.

– Если вспомнить все, что с нами произошло с тех пор, – усмехнулся Хоукмун, – то в Гранбретании мы были в наибольшей безопасности. Что скажешь, д'Аверк?

Тот закашлялся и через силу выдавил:

– Это верно, и уж там я точно чувствовал себя здоровее всего. Бледный и сухощавый Ноблио покачал головой, выражая легкое недоумение:

– Но как же вы смогли вернуться из Амарека, существующей в другой плоскости, сюда, в Камарг?

– Не спрашивайте меня, сэр Ноблио, – попросил Хоукмун, – не спрашивайте... Нас доставили сюда Великие Добродетельные Люди – вот и все, что мне известно. Обратное путешествие заняло всего несколько минут.

– Великие Добродетельные Люди?... Никогда не слыхал о них! – проговорил граф Брасс, поглаживая рыжие усы и пытаясь скрыть слезы радости. – Это какие-то духи?

– Да, в некотором роде, отец, – Хоукмун протянул руку тестю. – Вы хорошо выглядите. Ваши волосы по-прежнему рыжие.

– Это вовсе не признак юности, – пожаловался граф. – Это ржавчина! Я загниваю здесь, пока вы путешествуете по миру.

Оладан, маленький сын великанов с Булгарских гор, робко выступил вперед.

– Я рад видеть тебя, друг Хоукмун, в добром здравии, – он улыбнулся, предлагая Хоукмуну кубок вина. – Вот, выпей эту чашу до дна!

Хоукмун с радостью принял кубок и осушил его одним глотком.

– Спасибо, друг Оладан. Как твои дела?

– Мы все здесь очень скучали и боялись, что вы не вернетесь.

– Но вот я вернулся. И мне думается, что у нас накопилось достаточно историй, чтобы развезть вашу скуку. И у меня есть кое-какие новости...

– Выкладывай скорее! – загремел голос графа.

– Сейчас, – Хоукмун улыбнулся. – Но дайте мне сначала насмотреться на жену.

Он повернулся, взглянул в глаза Иссельде и увидел, что в них появилось беспокойство.

– Что случилось, Иссельда?

– Мне показалось, что ты снова хочешь рисковать своей жизнью.

– Наверное, так оно и есть.

– Что ж, если по-другому нельзя, пусть так и будет, – она глубоко вздохнула и улыбнулась ему. – Но надеюсь, это случится не сегодня ночью?

– Нет, не сегодня, и даже не завтра, и не послезавтра... Нам надо будет многое обсудить и составить план действий.

– Да, – тихо проговорила она, остановив взгляд на плитах пола. – И я должна многое сообщить тебе.

Граф Брасс вышел вперед и кивнул на другой конец зала, где слуги сервировали стол:

– Давайте поедим. Мы приказали подать самые лучшие яства в честь вашего прибытия домой.

Пообедав, они сели у огня. Хоукмун показал им Меч, а затем вытащил из-за пазухи Рунный Посох. В воздухе закружились, засверкали огни, образуя какие-то узоры, и зал наполнился горько-сладким запахом.

Все взирали на Посох с немым благоговением, пока Хоукмун не спрятал его обратно.

– Это наше знамя, друзья мои. Именно ему станем мы служить теперь. Мы пойдем в бой против Империи Мрака.

– Против всей Империи Мрака? – Оладан почесал затылок.

– Да, – мягко улыбнулся Хоукмун.

– А разве армия Гранбретании не насчитывает несколько миллионов солдат? – невинно осведомился Ноблио.

– Да, именно несколько миллионов.

– А у нас в замке Брасс осталось всего пятьсот воинов, – произнес, как бы размышляя про себя, граф Брасс. Он вытер рот рукой и притворно нахмурился. – Дайте-ка мне подсчитать...

– Больше пятисот, – уточнил д'Аверк. – Вы забываете, что у нас есть Легион Рассвета. – Он показал на меч, лежащий в ножнах рядом с креслом.

– И сколько же солдат в этом таинственном Легионе? – поинтересовался Оладан.

– Не знаю, может, бесконечно много.

– Ну, скажем, хотя бы тысяча, – размышлял вслух граф Брасс. – Это уже составит полторы тысячи воинов против...

– Нескольких миллионов, – закончил за него д'Аверк.

– Да, нескольких миллионов воинов Империи Мрака, с которыми не нам тягаться...

– У нас есть еще Красный Амулет и кольца Майгана, – напомнил ему Хоукмун.

– Ах, да... – граф Брасс, казалось, нахмурился. – У нас они есть. И еще, кроме всего прочего, мы боремся за правое дело. Так, герцог Дориан? Это тоже сыграет свою роль!

– Наверное... Если мы используем кольца Майгана, чтобы вернуться в нашу плоскость, и выиграем несколько небольших битв неподалеку от Камарга, мы сможем освободить угнетенных и собрать кое-какую армию из крестьян...

– Из крестьян... хм...

– Я знаю, такое соотношение сил вас не радует, граф, – вздохнул Хоукмун. И вдруг на лице графа появилась улыбка:

– Совершенно верно, мой милый, ты угадал!

– О чем вы?

– Это как раз подходящее соотношение! Я принесу карты, и мы сможем составить подробный план наших действий.

Когда граф Брасс вышел, Оладан обратился к Хоукмуну:

– Мы, наверное, забыли сообщить тебе, что Эльверезо Тозер сбежал. Он убил охранника во время прогулки, затем вернулся сюда, нашел свое кольцо и исчез.

– Это плохая новость, – нахмурился Хоукмун.

– Итак, давайте посмотрим... – сказал граф, вернувшись с картами.

И они начали разрабатывать план действий.

Час спустя Хоукмун поднялся, взял Иссельду за руку, и, пожелав остальным спокойной ночи, они отправились в свои покои.

Прошло уже пять часов, а они все не могли уснуть. Тогда Иссельда и сообщила мужу, что у них будет ребенок.

Хоукмун молча привлек ее к себе и поцеловал. Когда любимая уснула, он встал и подошел к окну. Он долго стоял, глядя на тростники и лагуны Камарга, и размышлял о том, что теперь должен сражаться за нечто более важное, чем просто свои идеалы.

Ему хотелось надеяться, что он увидит своего ребенка, верить, что ребенок родится, даже если сам он до этого и не доживет.

ГЛАВА 7

СВАРА СРЕДИ ЗВЕРЕЙ

Корабли Мелиадуса неумолимо близились к цели, и вот вдали уже показались башни Лондры. Лицо Мелиадуса, скрытое под маской, озарилось торжествующей улыбкой. Он приобнял за плечи графиню Флану.

– Все в полном порядке, моя дорогая, – прошептал он. – Уже очень скоро ты станешь королевой, ведь там в городе никто ни о чем не подозревает. Им такое даже в голову не может прийти, ведь подобных восстаний не случалось уже много столетий. Хеон к этому совершенно не готов. А уж как они станут проклинать того, кому вздумалось выстроить солдатские казармы вдоль берега!

Хотя плавание их было сравнительно недолгим, Флана уже устала от постоянного шума двигателей и грохота водяных колес. Она теперь поняла, что одним из достоинств парусного судна было отсутствие этого грохота. Графиня подумала, что этим «шумным» кораблям (после того, как они сослужат свою службу) не стоит больше появляться вблизи Лондры. Но это решение казалось ей не настолько важным, чтобы долго думать о нем. Она снова углубилась в воспоминания и стала мечтать о д'Аверке, окончательно забыв о

Мелиадусе и его планах. Ее абсолютно не волновало, что с ней случится...

Вдоль берега, возле самой окраины Лондры, тянулись казармы Свиней, Крыс, Мух и других орденов. Кораблям, идущим впереди флагмана, было дано задание разрушить эти казармы, для чего Калан Витальский установил на судах огненные пушки.

Барон Мелиадус тихо приказал капитану корабля поднять флаг – это был сигнал начать обстрел.

Утренняя Лондра была такой же, как всегда – безмолвной и мрачной. Устремившиеся в небо статуи Богов напоминали скрюченные пальцы юродивых.

В этот ранний час вся знать Лондры еще сладко спала. Бодрствовали только Тарагорм, Калан и его люди, которые с нетерпением ждали начала сражения. Они намеревались уничтожить как можно больше врагов, гнать оставшихся во дворец короля-императора, а потом осадить и его.

Барон Мелиадус прекрасно понимал, что даже если его войска и выиграют сражение за город, настоящий бой начнется при штурме Дворца. Учитывая то, что к королю Хеону может подойти подкрепление, захватить его резиденции следовало как можно быстрее.

Дыхание Мелиадуса участилось, глаза засверкали. Из дул бронзовых пушек вырвалось пламя. И вслед за этим раздался страшный взрыв – одна из казарм взорвалась, и ее обломки взлетели в воздух.

– Какая удача! – радостно воскликнул Мелиадус. – Это добрый знак! Не ожидал я такого успеха, да еще с первого выстрела.

Через мгновение разлетелась в щепки и вторая казарма, а из остальных выбежали перепуганные солдаты, забывшие о доспехах и даже о масках. Пушки стали стрелять по бегущим. Крики и вопли разнеслись среди безмолвных башен Лондры. Это было первое предупреждение жителям города.

На набережной шла жестокая резня. Волчья маска на корабле повернулась к маске Стервятника, выражая молчаливое удовольствие.

Свиньи и Крысы разбегались в поисках укрытия, а Мухи попрятались в другие, уцелевшие здания.

Солдаты, успевшие вооружиться на берегу, открыли ответный огонь.

Звери начали грызню.

Так стал вырисовываться на ткани истории узор судьбы, появившийся в тот момент, когда Мелиадус поклялся Рунным Посохом, с позором покидая замок Брасс.

Но пока еще невозможно было предсказать, каким будет этот узор и кто в конечном итоге станет победителем: Хеон, Мелиадус или Хоукмун.

ГЛАВА 8 ИЗОБРЕТЕНИЕ ТАРАГОРМА

Всего несколько часов, и от казарм не осталось камня на камне. Их сравнивали с землей. Немногие уцелевшие солдаты еще вели бой на улицах в центре города. Король Хеон, скорее всего, так и не смог понять, что происходит. Должно быть, он решил, что это армия Краснокитая, замаскировавшись под гранбританцев, напала на Лондру, и король выслал своим солдатам подкрепление, несколько тысяч воинов-Богомолов.

Мелиадус сошел на берег вместе с Фланой и, не переставая торжествующе улыбаться, пешком двинулся во Дворец Времени в сопровождении Волков и Стервятников. Его солдаты оставались только на открытых улицах, не пытаясь проникнуть в лабиринты коридоров, соединяющих башни. Они поджидали солдат противника и, как только те появлялись, убивали их. Воины Мелиадуса загнали солдат Хеона в западню: в городе было мало окон, которые могли бы служить амбразурами. Надо сказать, что гранбританцы старались обходиться вообще без окон, так как им не очень-то нравились свежий воздух и яркий дневной свет. А те немногие окна, которые все-таки имелись, располагались так высоко, что были совершенно бесполезны даже для самых метких стрелков. Ко всему прочему,

орнитоптеры оказались совершенно ненужными в таком городе, как Лондра, и поэтому представляли собой гораздо меньшую угрозу для восставших, чем предполагал Мелиадус.

Барон вошел во Дворец Времени в прекрасном расположении духа. Тарагорм находился в маленькой комнате и был чем-то занят.

– Брат, наши успехи налицо! Они превзошли все мои ожидания!

– Да, – ответил Тарагорм, кивнув Флане, на которой он, как и Мелиадус, был женат в свое время. – Моим Хорькам пока что даже не нужно ничего делать. Но они будут полезны, когда придется выкуривать тех, кто засел в переходах. Как только мы локализуем главные очаги, я планирую использовать их для удара по врагу с тыла.

– Но почему ты предложил мне встретиться с тобой здесь?

– Знаешь, мне кажется, я нашел способ вернуть наших друзей из замка Брасс обратно, в их собственную плоскость, – тихо произнес Тарагорм голосом, в котором чувствовалось спокойное удовлетворение.

Мелиадус даже застонал от радости:

– Ах брат, наконец-то эти птички попадут к нам в клетку!

– Я не совсем уверен, – рассмеялся Тарагорм, – что моя машина сработает, но чувствую, что она должна сработать. В ее основу легла формула, описанная в одной книге... Кстати говоря, там же упоминалась и кристаллическая машина Сориандума. Хочешь осмотреть ее?

– Да! Отведи меня туда, брат! Умоляю!

– Тогда будь любезен, следуй за мной...

Тарагорм провел Мелиадуса и Флану по извилистым коридорам, где со всех сторон тикали, скрипели и скрежетали часовые механизмы, и открыл небольшим ключом низенькую дверцу.

– Здесь, – он вынул факел из гнезда возле двери и осветил им подземелье. – Вот... Она находится примерно на том же уровне, что и кристаллическая машина замка Брасс. С помощью этого устройства я могу посылать сигналы сквозь плоскость.

– Я ничего не слышу... – несколько разочарованно произнес Мелиадус.

– Ты ничего не слышишь, потому что ничего слышать не можешь. По крайней мере, в нашей плоскости. Уверяю тебя, что машина издает весьма громкий звук в какой-то другой точке пространства и времени.

Мелиадус приблизился к машине. Она походила на большой медный остов часов размером с человека. Внизу раскачивался маятник и двигались стрелки. Сзади находился предмет с молоточком, судя по всему – гонг.

Пока они рассматривали это странное сооружение, стрелки, качнувшись, передвинулись на половину деления циферблата. Молоточек медленно поднялся, упал на гонг, и тот завибрировал. Но звука барон не услышал.

– Невероятно! – прошептал Мелиадус. – Но как вы будете использовать эту машину?

– Мне надо еще немного подрегулировать механизм, чтобы он смог работать в нужной плоскости, которую я при помощи Тозера сумел найти. Когда наступит полночь, наши друзья в замке Брасс получат неприятный сюрприз.

Мелиадус удовлетворенно кивнул, сказав:

– О благородный брат, ты станешь самым богатым и самым почитаемым человеком в Империи!

Маска-часы Тарагорма слегка наклонилась после слов Мелиадуса.

– Я заслужил это, – тихо произнес Тарагорм. – Благодарить тебя не буду.

– Скажи, ты уверен, что механизм сработает?

– Что ж, тогда я не стану самым богатым и самым почитаемым человеком в Империи, – с юмором ответил Тарагорм. – Мне думается, ты позаботишься, чтобы я был вознагражден менее приятным способом.

Мелиадус порывисто обнял Тарагорма за плечи:

– Не говори так, брат! Не надо!

ГЛАВА 9 СОВЕЩАНИЕ У КОРОЛЯ

– Итак, господа, что происходит? В столице беспорядки? – раздался юношеский голос из Тронной Сферы, и острые черные глаза поочередно пронзили каждого из собравшихся в зале.

– Это измена, государь! – воскликнул воин в маске Богомола, опаленной огненным копьем.

– Гражданская война, – уточнил второй.

– И мы оказались совершенно неподготовленными, о мудрый правитель, – проговорил почти про себя воин, стоявший рядом.

– В самом деле, господа. Мы все виноваты. Нас обманули, – король-император медленно обвел взглядом всех собравшихся капитанов. – Калан здесь?

– Нет, великий государь.

– А Тарагорм? – промурлыкал сладкий голос.

– И Тарагорм отсутствует, король-император.

– Так... И некоторые утверждают, что видели на флагмане Мелиадуса?

– С графиней Фланой, о великий император.

– Да, нас ловко обманули. Но надо думать, дворец хорошо защищен?

– Только очень крупные силы могут рассчитывать на успех, о Повелитель Всего Света.

– Но, может быть, они собрали очень крупные силы? А если с ними Калан и Тарагорм, то у них есть и другие средства... Мы подготовлены к осаде, капитан? – обратился Хеон к капитану стражников-Богомолов.

– В какой-то степени – да, Величайший из Князей. Но такого у нас еще не бывало.

– И правда, тогда нам стоит вызвать подкрепление...

– С континента, – добавил один из капитанов. – И Адаз Промп, и Йорик Нанкенсен, и Мигель Хольст, и Шенегар Тротт – все преданные вашему величеству люди там.

– Шенегар Тротт совсем не там, – вежливо поправил его король Хеон. – И можем ли мы быть уверены в преданности остальных?

– Я бы сказал, что да, великий король-император: множество солдат из этих орденов погибло сегодня. Если бы их начальники были в сговоре с Мелиадусом, то солдаты наверняка перешли бы на его сторону.

– Должно быть, так оно и есть. Я принимаю ваше предложение. Отзовите всех лордов Гранбритании. Прикажите им взять с собой те отряды, которые не заняты в военных кампаниях, и как можно быстрее подавите этот бунт. Скажите им, что восставшие причиняют нам массу хлопот. А гонцу прикажите отправиться с крыши дворца на орнитоптере.

В это мгновение откуда-то донесся отдаленный рев огненной пушки, и тронный зал вздрогнул.

– Очень много неудобств, – вздохнул король-император. – Каковы успехи Мелиадуса на данный момент?

– В его руках весь город, Мудрейший Монарх, исключая, конечно, дворец.

– Я всегда считал его своим лучшим полководцем, – с грустью заметил Хеон.

ГЛАВА 10 ПОЛНОЧЬ БЛИЗИТСЯ

Барон Мелиадус сидел у окна своей башни, откуда так удобно было любоваться бушующими в городе пожарами. Особое удовольствие доставило ему зрелище разбившегося и вспыхнувшего орнитоптера.

Да, вечер был восхитительный. И звезды так ярко сверкали на ясном ночном небе...

Чтобы еще полнее насладиться происходящим, Мелиадус приказал четырем рабыням исполнить для него симфонию Джона Лендона, лучшего из композиторов Гранбритании. Музыка, сливаясь с лязгом металла, взрывами и воплями гибнущих людей, приятно ласкала слух Мелиадуса. Он потягивал вино из бокала и, насвистывая, изучал план Лондры.

В дверь постучали. Рабыня открыла, и вошел начальник пехоты Бели. Он поклонился:

– Осмелюсь доложить, сэр, что у нас недостает солдат. Нам удалось сделать невозможное, имея в распоряжении столь малое количество воинов. Но сейчас нам необходимо подкрепление, иначе очень сложно будет удержать захваченные позиции. Если подкрепление не придет, мы будем вынуждены перегруппироваться.

– То есть придется оставить город и выбрать себе открытое пространство для боя. Так, капитан?

– Именно так, сэр.

Мелиадус осторожно потрогал свою маску.

– На континенте есть подразделения Волков, Стервятников и даже Хорьков. Вероятно, если их отозвать...

– Хватит ли у нас времени, сэр?

– Что ж, придется выкроить время, капитан.

– Да, сэр.

– А не предложить ли пленным сменить маски? – пришла Мелиадусу хорошая мысль. – Они же видят, что мы побеждаем, и наверняка захотят перейти на нашу сторону.

– Дворец короля Хеона отлично защищен, сэр, – проговорил Бели, отдавая честь.

– Он будет взят, я в этом уверен!

Музыка Джона Лендона все еще звучала. Мелиадус смотрел на пожар и думал о том, что все идет отлично. Он был абсолютно уверен, что через некоторое время дворец будет взят, Хеон – уничтожен, а Флана займет его место. Мелиадус уже представлял, как он станет самым могущественным человеком в Империи.

Барон взглянул на стенные часы. Время приближалось к одиннадцати. Он встал и хлопнул в ладоши. Девушки умолкли.

– Принесите мои носилки, – приказал он. – Я отправляюсь во Дворец Времени.

Те же рабыни вернулись с носилками, барон сел в них и облокотился на подушки.

Когда его медленно несли по коридорам, Мелиадус все еще слышал музыку огненных пушек, крики сражающихся солдат. Он отдавал себе отчет, что победа еще не достигнута: могут найтись лорды, которые даже после смерти Хеона не признают императрицу Флану. Мелиадус понимал, что для укрепления своего положения ему понадобится несколько месяцев. Но он думал, что делу можно помочь, если удастся объединить всех против Камарга и замка Брасс.

– Быстрее! – крикнул он обнаженным девушкам. – Быстрее! Мы не должны опоздать!

Если машина Тарагорма вернет замок Брасс назад, то он получит двойное преимущество: насладится мстостью и объединит против врагов всю Империю. «Ненависть к жителям Камарга должна сплотить гранбританцев», – решил он. Мелиадус вздохнул. Он был очень доволен – все шло просто превосходно.

Часть третья

«Развязка близилась. Покуда защитники Камарга обсуждали свою стратегию в замке Брасс, а король-император Хеон совещался в тронном зале, барон Мелиадус во Дворце Времени Тарагорма уже расставлял свои ловушки. Все эти планы начали влиять друг на друга, под незаметной властью Рунного Посоха. Теперь Империя Мрака разделилась – она раскололась на части из-за ненависти Мелиадуса к Хоукмуну, которого барону не удалось использовать как марионетку. У Хоукмуна оказалось достаточно сил, чтобы противостоять

Мелиадусу. Вероятно, Рунный Посох вступил в игру именно в тот момент, когда барон избрал Хоукмуна как орудие своей мести обитателям замка Брасс. И в ткани истории начал сплетаться узор судеб, настолько изощренный и запутанный, что некоторые нити уже были готовы оборваться...»

Из «Летописи Рунного Посоха»

ГЛАВА 1 И БЬЮТ ЧАСЫ

Начинало холодать. Поплотнее закутавшись в плащ, Хоукмун обвел взглядом друзей. Все они, не отрываясь, смотрели на стол, где были разложены несколько предметов, отчетливо выделявшихся в полумраке, несмотря на то, что огонь в очаге уже почти погас.

Прежде всего там лежал Красный Амулет, отбрасывающий на лица людей кровавые отблески. Рядом с ним находились кольца Майгана, с помощью которых люди были способны проникать в иные плоскости. Кольца эти служили своим владельцам чем-то вроде пропуска в тот мир, откуда они сбежали. А рядом с кольцами лежал Меч Рассвета, служивший для вызова армии Хоукмуна. И, наконец, самое главное, – здесь же на столе находился и Рунный Посох, символ и последняя надежда герцога Кельнского. Граф Брасс откашлялся:

– Даже обладая этими волшебными предметами, мы вряд ли сможем нанести поражение столь могущественной Империи, как Гранбретания.

– Но ведь у нас есть безопасное убежище – наш замок, – напомнил Оладан. – Мы сможем в любое время проникать в другие плоскости и возвращаться назад, то есть делать боевые вылазки.

– Все верно, – кивнул граф Брасс, – но я все еще сомневаюсь.

– Да, при всем моем к вам уважении, надо признать, что вы – сторонник классических способов ведения войны, – сказал д'Аверк. Воротник черного кожаного плаща еще сильнее оттенял бледное лицо воина. – Вам больше по душе, когда все воины – лучники, копьеносцы, кавалерия – сходятся в открытом бою... А мы вынуждены наносить удары из засады, по крайней мере – на первом этапе войны.

– Да, думаю, вы правы, д'Аверк, – вздохнул граф. Ноблио налил всем вина.

– Наверное, нам нужно идти спать, друзья мои. Предстоит еще немало сделать, и нам надо беречь силы.

Хоукмун подошел к другому концу стола, где были разложены карты. Он потер Черный Камень у себя во лбу.

– Да, мы должны распланировать свои первые кампании с предельной осторожностью, – он принялся изучать карту Камарга. – Не исключено, что на прежнем месте замка Брасс Мелиадус выставил постоянный дозор, ожидающий нашего возвращения. Скорее всего, так оно и есть.

– Но ты ведь считаешь, что Мелиадус потерял свое влияние при дворе? – возразил д'Аверк. – Похоже, то же самое думал и Шенегар Тротт.

– Если это действительно так, – согласился Хоукмун, – то, возможно, войска Мелиадуса находятся не там. Кажется, в Лондре возникли какие-то разногласия.

Ноблио собрался что-то сказать, но промолчал. Ему показалось, что замок слегка содрогнулся.

– Этот дьявольский холод, – проворчал граф Брасс и подбросил полено в очаг. Полетели искры, и пламя взвилось вверх; по залу заматались огромные тени. Граф еще плотнее запахнул свой шерстяной халат, мысленно сожалея, что ничего больше не надел.

Он обвел мрачным взглядом висевшие на стенах копы, луки, колчаны со стрелами, палицы, доспехи из меди и остановил взгляд на собственном тяжелом мече.

Стены замка задрожали вновь – уже сильнее, и щиты, украшавшие их, загремели.

Хоукмун взглянул на Ноблио и прочитал в его глазах предчувствие надвигающегося несчастья.

– Землетрясение, наверное?

– Наверное, – с большим сомнением в голосе ответил Ноблио.

И вдруг они услышали отдаленный звук, напоминающий гудение гонга, – тихий, почти неслышный. Они бросились к дверям, и граф Брасс, прежде чем распахнуть их, на мгновение остановился в нерешительности.

Небо почернело; в каком-то сильном волнении кружились синие облака. Казалось, небосвод вот-вот должен расколоться.

Через некоторое время до них опять донесся звук. Но теперь он усилился до звона огромного колокола.

– Такое впечатление, что находишься в колокольне замка, когда бьют часы, – встревоженно произнес Ноблио.

Их лица побледнели, напряглись... Хоукмун широкими шагами прошел в зал, протянув руку к Мечу Рассвета. Д'Аверк окликнул его:

– Ты о чем-нибудь догадываешься, Хоукмун? Это какие-то козни Империи Мрака?

– Да... Или еще что-то сверхъестественное, – ответил Хоукмун. Прозвучал третий удар, и эхо раскатилось по плоским равнинам Камарга – над лагунами и тростниками. Фламинго, встревоженные шумом, закричали в гнездах.

За третьим последовал четвертый, всепоглощающий удар судьбы.

Пятый... Граф Брасс подошел к стене и снял свой меч.

И шестой... Звук усилился. Д'Аверк заткнул уши и пожаловался:

– Это вызовет, по меньшей мере, мигрень...

Когда прозвучал седьмой удар, замок сильно трянуло и с потолка посыпалась штукатурка.

По лестнице сбежала Иссельда в ночной сорочке:

– Что такое, Дориан? Отец, что это за звук? Похоже на бой часов! От него могут лопнуть барабанные перепонки!

Оладан мрачно поднял голову.

– Мне кажется, он угрожает всему нашему существованию, – проговорил он, – хотя трудно сказать, почему...

– Лучше, пожалуй, закрыть двери, – сказал граф Брасс, когда эхо замерло, и он смог услышать собственный голос. Вместе с Хоукмуном они задвинули на двери тяжелый железный засов.

Восьмой удар заполнил весь зал, и люди закрыли уши ладонями. Громадный гербовый щит, висевший на стене с незапамятных времен, сорвался, упал на каменные плиты и с шумом покатился, остановившись неподалеку от стола.

В зал начали сходить перепуганные слуги.

При девятом ударе стекла зазвенели, осколки полетели на пол. Хоукмуну показалось, будто он находится в море, на корабле, который внезапно врезался в невидимый риф. Весь замок содрогнулся, а людей просто разметало по залу. Иссельда чуть не упала, но Хоукмун в последний момент успел подхватить ее. Он уцепился за стену, чтобы удержаться на ногах. От звука его стало тошнить, а в глазах помутилось.

В десятый раз отзвучал огромный гонг, будто бы сотрясая всю Вселенную.

Ноблио рухнул без сознания на пол. А вслед за ним и Оладан закружился на месте, прижав ладони к голове, и не смог удержаться на ногах. Хоукмун изо всех сил пытался не упасть, но тошнота подступила к самому горлу, а в голове будто стучали кузнечным молотом. Граф Брасс и д'Аверк, шатаясь, двинулись через зал к столу и, подойдя, повисли на нем, чтобы не дать ему опрокинуться.

Когда эхо смолкло, Хоукмун услышал возглас д'Аверка:

– Хоукмун, посмотри!

Поддерживая Иссельду, Хоукмун добрался до стола и ахнул: кольца, лежавшие на столе, все до единого разбились вдребезги!

– Вот и рухнула наша мечта о партизанских рейдах, – хмуро изрек д'Аверк. – Кроме того, похоже, это вообще конец всем нашим замыслам!

Раздался одиннадцатый удар. Этот звук был дольше и громче, чем предыдущий. Весь замок вновь содрогнулся; их швырнуло на пол. Хоукмун закричал от боли. Казалось, что-то взорвалось в его черепе, и этот страшный звук выжег ему мозг. Из-за шума он даже не расслышал собственного крика. Он катался по полу, а все вокруг сотрясало.

Хоукмун полз к Иссельде, отчаянно стремясь добраться до нее. По лицу его текли слезы, а из ушей сочилась кровь. Он смутно видел, как граф Брасс пытается подняться, цепляясь за стол. Уши графа тоже были в крови.

– Мы уничтожены! – услышал Хоукмун слова графа. – Уничтожены каким-то трусливым врагом, которого даже не можем увидеть! Здесь действует сила, против которой наши мечи бессильны...

И вот замок угрожающе затрещал от двенадцатого удара – самого громкого и ужасного. Крышка стола упала и раскололась. Некоторые каменные плиты треснули или вообще рассыпались на мелкие осколки. Замок швырнуло, будто пену морского прибора. Хоукмун взревел от боли: на глазах у него выступили кровавые слезы, а все мускулы напряглись до предела – так, что, казалось, вот-вот лопнут.

Вслед за ударом гонга раздался другой звук – тонкий визг. И в зал вдруг хлынул яркий свет – фиолетовый, который сменился пурпурным, и потом снова опустилась тьма, и будто бы миллионы крохотных колокольчиков зазвенели в унисон. И можно было различить звук, доносившийся из-под земли.

Хоукмун попытался подняться, но не смог и упал лицом на камни. Звон внезапно затих; воцарилась тишина.

ГЛАВА 2 ТЬМА НА БОЛОТАХ

– Кристалла больше нет, он уничтожен...

Хоукмун с усилием потряс головой и растерянно заморгал:

– Что?

– Я говорю, кристалл уничтожен.

Рядом с ним на колени опустился д'Аверк и попытался помочь другу подняться на ноги.

– А как там Иссельда?

– Немногим лучше, чем ты. Мы уложили ее в постель. Слышишь? Кристалл уничтожен!

Хоукмун принялся счищать запекшуюся кровь с лица.

– Ты говоришь о кольцах Майгана?

– Д'Аверк, объясни ему как следует, – прозвучал голос Ноблио. – Объясни ему, что машина, которую подарили люди-призраки, погибла.

– Погибла? – Хоукмун поднялся. – Ее разрушил тот последний удар?

– Вот именно, – подошел к ним, тяжело дыша, граф Брасс. – Вибрация уничтожила кристалл.

– Значит... – Хоукмун вопросительно взглянул на графа, и тот кивнул ему.

– Да, мы вернулись в нашу собственную плоскость...

– И на нас еще не напали?

– Кажется, нет.

Хоукмун глубоко вздохнул и медленно побрел к дверям. С трудом сняв засов, он распахнул их.

На улице по-прежнему была ночь. На небе сияли все те же звезды. Но кружащиеся

синие облачка куда-то исчезли, а вокруг воцарилось жуткое безмолвие; в воздухе витал какой-то странный запах. Не кричали фламинго, и не играл в тростнике ветерок.

Хоукмун задумчиво закрыл двери.

– Где же войска? – спросил д'Аверк. – Мы-то думали, нас здесь с нетерпением ждут!

– Об этом еще рано говорить! Надо дожидаться восхода, – нахмурился Хоукмун. – Наверное, они хотят захватить нас врасплох.

– Ты думаешь, это Империя Мрака виновата в том, что с нами произошло? – спросил Оладан.

– Тут и думать нечего, – ответил граф Брасс. – Именно они вернули замок в нашу плоскость. Хотел бы я знать, что это за запах?

В это время д'Аверк разбирал вещи, извлекая их из-под обломков стола.

– Просто чудо, что мы живы, – заметил он.

– Да, – согласился Хоукмун. – Кажется, эти удары больше повлияли на предметы, чем на людей.

– Два человека скончались, мои старые слуги... – сообщил граф Брасс.

– Видимо, сердечный приступ. Сейчас их хоронят – на тот случай, если утром что-то случится.

– Как замок? – спросил Оладан.

– Трудно сказать, – пожал плечами граф. – Я был только в подвалах и могу сказать, что кристаллическая машина полностью разбита, а каменная кладка кое-где потрескалась. Это очень старый и крепкий замок. Кажется, он не сильно пострадал, если не считать, что в нем не осталось ни одного целого стекла. В остальном же... – заметил он с небывалым спокойствием (будто речь шла не о его любимом замке), – судя по всему, мы стоим на земле так же твердо, как и раньше.

– Будем надеяться, что так оно и есть, – пробормотал себе под нос д'Аверк. Он держал в руках Меч Рассвета и Красный Амулет. – Тебе лучше взять это, – сказал он, подавая их Хоукмуну, – наверняка они тебе скоро понадобятся.

Хоукмун надел амулет, пристегнул ножны к поясу, а затем нагнулся и поднял Рунный Посох.

– Кажется, он не принес нам удачи, – вздохнув, проговорил Хоукмун.

И вот забрезжил серый и холодный рассвет. На горизонте клубился туман, а небо скрыли облака цвета слоновой кости. Пятеро друзей стояли на холме у ворот замка Брасс, стиснув рукояти мечей, и с болью в сердце наблюдали картину, представшую перед ними.

Они увидели свой любимый Камарг совсем другим – опустошенным войной. А раздражавший обоняние запах был запахом смерти, тления и выжженной земли. Все болота и лагуны опалило и высушило пламя пушек. Нигде не осталось и следа от фламинго, лошадей и быков... Животные и птицы покинули эти места или были уничтожены гранбетанцами. Охранявшие границы Камарга сторожевые башни оказались тоже стертыми с лица земли. Вся страна превратилась в море серого пепла.

– Все пропало, – произнес безжизненным голосом граф Брасс. – Все пропало – мой любимый Камарг, мой народ, мои животные... Они избрали меня Хранителем, а я не справился со своими обязанностями. Что еще мне остается? Только месть, и ничего кроме мести. Дайте мне дойти до ворот Лондры и увидеть, что город взят... Только тогда я спокойно умру.

ГЛАВА 3 РЕЗНЯ В ИМПЕРИИ МРАКА

С большим трудом Хоукмун с Оладаном добрались до границы Камарга. Пепел облеплял их с головы до ног, жег кожу, разъедал глаза, забивался в рот. Кони их тоже выглядели не лучшим образом и уже выбивались из сил.

Но вот пепел понемногу начал уступать место скудной высохшей траве, и по-прежнему

нигде не было видно и намек на присутствие гранбританцев.

Белесый солнечный свет с трудом сочился сквозь облачную пелену. Натянув поводья, Хоукмун остановил коня, сверился с картой и указал на восток.

– Вон там находится деревня Верлин. Давай осторожно подъедем и посмотрим, занимают ли ее гранбританские войска.

Увидев деревню, Хоукмун пустил коня рысью. Оладан окликнул его:

– Что такое, Дориан? Что случилось?

Хоукмун ничего не ответил. Когда они приблизились к деревне, то увидели, что половина домов разрушена, а улицы – усеяны трупами. Но никаких признаков того, что здесь остались войска Гранбритании, друзья не нашли.

Многие дома почернели от пламени огненных копий. То там, то здесь лежали трупы в доспехах и масках.

– Судя по их виду, все они были гранбританцами, – проговорил, будто размышляя про себя, Хоукмун. – Это солдаты Мелиадуса. Наверное, они напали на жителей деревни, а те стали сопротивляться. Видишь, этого Волка закололи серпом, а тот умер от удара лопатой – она все еще торчит из его шеи...

– Или, может, деревенские жители восстали против них, а Волки им отомстили? – предположил Оладан.

– Тогда почему же солдаты покинули деревню? – возразил Хоукмун. – Они же стояли здесь гарнизоном.

Хоукмун и Оладан повели лошадей в поводу, старательно обходя трупы людей и животных. Хоукмун разглядывал мертвых лошадей, коз, коров и собак. Чувствовалось, что резня в деревне была совсем недавно. В воздухе все еще витала смерть.

– Они не оставили ничего живого. И ничего, что можно было бы употребить в пищу. Такое впечатление, будто они отступали перед мощным противником.

– Да, но кто же мощнее Империи Мрака? – содрогнувшись, произнес Оладан. – Не придется ли нам, Хоукмун, столкнуться с каким-то новым врагом?

– Надеюсь, что нет... Но все же это зрелище меня озадачило... Оно просто отвратительно, – добавил Оладан.

На улицах лежали убитые мужчины, женщины и дети. Над многими женщинами, очевидно, сначала надругались, а потом перерезали им горло: гранбританская солдатня обожала убивать свои жертвы в момент оргазма.

– Этот знак Империя Мрака, по-моему, оставляет повсюду, – вздохнул Хоукмун.

Он поднял голову, уловив слабый звук, принесенный холодным ветром.

– Слышишь? Стон! Может быть, кто-нибудь еще жив?

Он прищипорил коня и направил его туда, откуда слышался стон. Хоукмун свернул на боковую улочку и наткнулся на дом с выломанной дверью. Отсюда и доносился стон. Герцог присмотрелся и увидел тело девочки, распростертое на пороге. Стоны усилились. Хоукмун спешился и осторожно подошел к дому. Он опустился на колени, взял на руки стонущую девочку и ужаснулся. Поперек горла у нее тянулась красная линия, словно прочерченная тупым кинжалом, а на теле остались лишь жалкие лохмотья. На вид ей можно было дать лет пятнадцать. Все тело девочки казалось одной сплошной раной. Лишь голубые глаза, отражавшие бледное небо, выделялись на осунувшемся лице. Хоукмун поднял ее, и девочка глухо застонала.

Тогда ее пришлось снова опустить на землю. Герцог вернулся к своей лошади и снял притороченную к седлу флягу с вином. Он приложил флягу к губам девочки. Та, сделав глоток, поперхнулась, а глаза ее от страха внезапно расширились.

– Не бойся, – мягко сказал Хоукмун, – я враг Империи Мрака.

– И ты жив?

– Да, как видишь, – Хоукмун сардонически улыбнулся. – Я – Дориан Хоукмун, герцог Кельнский.

– Хоукмун фон Кельн! Но мы думали, что ты погиб или исчез навсегда...

– Но вот я вернулся. И клянусь, что за твою деревню мы отомстим. Что здесь произошло?

– Ничего не знаю, милорд, кроме того, что звери Империи Мрака не собирались никого оставлять в живых, – девочка вдруг подняла голову. – Мои мать и отец, моя сестра...

Хоукмун заглянул в дом и содрогнулся.

– Мертвы, – сказал он. Но в его словах была не вся правда: они были разрублены на части.

Хоукмун поднял рыдающего ребенка на руки и отнес к своей лошади.

– Я отвезу тебя в замок Брасс, – сказал Хоукмун.

ГЛАВА 4 ВОЛШЕБНЫЕ ШЛЕМЫ

Несчастную малышку уложили в самую лучшую и мягкую постель в замке Брасс. Ноблио хлопотал над ней со своими снадобьями, а Иссельда и Хоукмун попеременно дежурили у ее постели, стараясь подарить ребенку хоть какое-то утешение. И все же девочка умирала, не столько от ран, сколько от душевных страданий. Ее оставило желание жить, и это было вполне объяснимо.

– Солдаты-Волки несколько месяцев стояли в нашей деревне, – рассказала она. – Они все отбирали у нас, и мы умирали от голода.

Говорят, их оставили в Камарге на страже, хотя мы никак не могли понять, что можно караулить в этой выжженной пустыне.

– Полагаю, они ждали нашего возвращения, – сказал Хоукмун.

– Вполне вероятно, – серьезно отозвалась девочка. – Вчера в деревню прибыл орнитоптер, – продолжала она, – и его пилот поспешил прямо к командиру гарнизона. Мы очень обрадовались, узнав, что солдат отзывают в Лондру. Но не прошло и часа, как они напали на жителей деревни и стали грабить, насиловать и убивать. Воины получили приказ – никого не оставлять в живых, чтобы те, кто могут остановиться в деревне после них, не нашли бы там еды. Они хотели уничтожить всех, чтобы в том случае, если придется возвращаться, уже не встретить здесь сопротивления. Быстро расправившись с жителями, солдаты покинули деревню.

– Так значит, они могут вернуться? – задумчиво произнес Хоукмун. – Но все-таки хотелось бы знать, почему они ушли?

– Вероятно, из-за какого-то вторгшегося врага, – предположил Ноблио, обтирая лоб девочки влажным полотенцем.

– Я подумал то же самое, но это только догадки, – Хоукмун вздохнул. – Плохо, когда ничего не знаешь.

Раздался стук в дверь, и вошел д'Аверк:

– Хоукмун, появился наш старый знакомый!

– И кто же?

– Оркнеец Орланд Фанк.

– Наверное, уж он-то сможет разъяснить нам, что здесь происходит, – поднялся Хоукмун.

Когда они подошли к двери, Ноблио тихо произнес:

– Герцог Дориан, девочка умерла...

– Она знала, что за нее отомстят, – ровным голосом проговорил Хоукмун и начал спускаться в зал по лестнице.

Внизу у камина стояли граф Брасс и Орланд Фанк.

– Согласен: что-то витает в воздухе, – говорил Орланд Фанк графу. Он махнул рукой, увидев Хоукмуна. – А у тебя как дела, герцог Дориан?

– Довольно неплохо, учитывая все обстоятельства. Ты не знаешь, почему отсюда ушли все воины Империи Мрака?

– Только что как раз я говорил графу, что не...

– А я-то думал, что ты всеведущ, мастер Фанк.

Фанк застенчиво улыбнулся, стянул шапочку и вытер ею лицо.

– Мне ведь нужно время для сбора информации! А с тех пор, как вы покинули Днарк, я был очень занят. И вот... Я привез подарки для героев замка Брасс.

– Ты очень добр!

– Они вовсе не от меня, а, насколько я понимаю, от Рунного Посоха. Вам может показаться, что эти вещи принесут мало практической пользы. Но согласитесь: трудно сказать заранее, насколько полезно то или другое в боях против Империи Мрака.

– Что ты обнаружил во время своей поездки? – повернулся Хоукмун к д'Аверку.

– То же, что и вы, – ответил д'Аверк. – Стертые с лица земли деревни, убитых в спешке жителей... И следы очень быстрого ухода войск Гранбретании. Как я понял, у них еще есть какие-то небольшие артиллерийские гарнизоны в городах покрупнее.

– Это похоже на безумие... – пробормотал граф Брасс.

– Если это так, мы сможем воспользоваться их безумием, – с мрачной улыбкой заметил Хоукмун.

– Отлично сказано, герцог Дориан. – Фанк хлопнул Хоукмуна по плечу своей красной мускулистой рукой. – Теперь я могу принести подарки?

– Мы не против, мастер Фанк.

– Если можно, пошлите со мной пару слуг, потому что подарков шесть, и они очень тяжелые: я привез их на двух лошадях.

Через несколько минут вошли слуги. Каждый нес по два предмета, завернутых в ткань. Сам Фанк принес два оставшихся и сложил их на каменные плиты.

– Разверните, господа!

Хоукмун нагнулся и откинул ткань. Ему в глаза ударил яркий свет, и он увидел на обнажившейся части предмета свое отражение. Озадаченный, он отбросил всю ткань.

Перед ним были боевые шлемы, сделанные так, чтобы закрывать всю голову и плечи. Они были изготовлены из какого-то незнакомого металла, отполированного лучше самого прекрасного зеркала, которое когда-либо доводилось видеть Хоукмуну. Шлем был совершенно гладким, без украшений. Единственное, что выделялось на ровной поверхности, были прорези для глаз. Поэтому кто бы ни смотрел на шлем, он видел в нем лишь свое собственное отражение. Сзади шлемы были украшены гребнями из того же металла, выполненными настолько искусно, что сразу можно было сказать, что делал их не простой ремесленник, а настоящий мастер. Хоукмуну вдруг пришло в голову, насколько они могут быть полезны в бою: противника испугает собственное отражение, создающее иллюзию, что он сражается сам с собой.

Граф Брасс громко засмеялся:

– Да ведь тот, кто изобрел эти шлемы, был просто гением! Ничего лучше я никогда не видел!

– Примерьте их, – усмехнулся в ответ Фанк. – Ваш – тот, что вы развернули. С гребнем под цвет меди.

Граф Брасс улыбнулся и поднял шлем, водрузив его на плечи. Хоукмун посмотрел на него и увидел свое лицо с тусклым Черным Камнем во лбу, веселое и удивленное. Хоукмун примерил свой шлем – с золотым гребнем. Когда он посмотрел на графа, ему сначала показалось, что шлем графа не отражает другие шлемы вовсе. А потом он сообразил, что, напротив, шлем создает бесконечное множество отражений.

Остальные тоже примеряли свои шлемы. Д'Аверку достался шлем с синим гребнем, а Оладану – алый. Довольные, они улыбались.

– Хороший подарок, мастер Фанк, – сказал Хоукмун, снимая шлем. – Превосходный подарок. А кому же два оставшихся?

– Ах, да. Они для тех, кто пожелает ими воспользоваться.

– Для тебя?

– Нет. Должен признаться, что я пренебрежительно отношусь к доспехам. Они весьма обременительны и затрудняют мою работу со старым боевым топором, – Франк ткнул пальцем за спину, где веревкой был привязан огромный топор.

– Тогда для кого же два других? – осведомился граф Брасс, снимая свой шлем.

– Когда настанет время, вы узнаете, – уклонился от ответа оркнеец. – А как дела у обитателей замка Брасс?

– Ты говоришь о тех, кто живет на холме? – уточнил Хоукмун. – Некоторые из них были убиты звуком огромного гонга, вернувшего нас в нашу плоскость. Несколько зданий обрушились, но в целом замок сохранился достаточно хорошо. Кроме того, кавалерия Камарга уцелела.

– Около пятисот человек, – уточнил д'Аверк. – Вся наша армия.

– Ясно, – сказал Фанк, покосившись в сторону француза. – Я должен отправиться по своим делам.

– И что же это за дела, мастер Фанк? – спросил Оладан.

– У нас на Оркнейских островах не принято спрашивать о таких вещах, – упрекнул он Оладана.

– Спасибо за подарки, – поклонился Оладан, – и простите меня за излишнее любопытство.

– Я принимаю ваши извинения, – несколько напыщенно ответил Фанк.

– Позвольте поблагодарить вас, мастер Фанк, от лица всех обитателей замка Брасс за эти прекрасные подарки, – произнес граф Брасс. – И нельзя ли вас побеспокоить последним вопросом?

– Все вы любите задавать слишком много вопросов, – отозвался Фанк, – а мы, оркнейцы, народ не очень разговорчивый. Спрашивай, друг, и я отвечу на твой вопрос, если он не относится лично ко мне.

– Вы знаете, как была уничтожена кристаллическая машина? – поинтересовался граф Брасс.

– Я думаю, что это Тарагорм, хозяин Дворца Времени в Лондре, нашел средство уничтожить машину, разобравшись в принципе ее работы. У него хранится много старинных рукописей, в которых рассказывается о подобных вещах. И, очевидно, он построил часы, бой которых прошел через плоскости и расколол кристалл. По-моему, это средство применяли враги обитателей Сориандума, подаривших вам эту машину.

– Так значит, нас вернула сюда Империя Мрака? – констатировал Хоукмун. – Но тогда почему же они нас не встретили?

– Вероятно, из-за каких-то беспорядков внутри самой империи, – предположил Орланд Фанк. – Посмотрим! Прощайте, друзья мои. У меня такое чувство, что мы вскоре встретимся вновь.

ГЛАВА 5

ПЯТЕРО ГЕРОЕВ И ОДНА ГЕРОИНЯ

Едва лишь ворота замка затворились за Фанком, как в зал на негнущихся ногах спустился Ноблио. На лице философа было какое-то очень странное выражение, таким еще никто и никогда его не видел.

– Что такое, Ноблио? – озабоченно спросил его граф Брасс, обнимая друга за плечи. – Я вижу, что-то беспокоит тебя.

– Нельзя сказать, что беспокоит, – Ноблио потрянул головой. – Просто много лет я не брал в руки никакого другого оружия, кроме пера, но теперь вместе с вами я готов идти в бой против Лондры и Империи Мрака. Я отправляюсь с вами.

– Нет, Ноблио, – возразил Хоукмун, – ты же не воин! Ты утешаешь нас, поддерживаешь своей добротой и мудростью. А это тоже увеличивает наши силы.

– Да, верно... Но эта битва будет последней в любом случае, победим мы или нет, –

напомнил Ноблио. – Если вы не вернетесь, то моя мудрость никому уже не понадобится. А если вернетесь, вам мои советы будут не нужны. Вы ведь станете людьми, победившими Империю Мрака. Поэтому я возьму меч и шлем. Один из двух зеркальных шлемов – тот, что с черным гребнем – как раз мне подойдет.

Хоукмун посторонился. Ноблио подошел к шлему, поднял его и медленно водрузил на свою голову. Шлем сидел превосходно.

И они увидели в шлеме отражение – свои лица, одновременно и мрачные, и восхищенные.

Д'Аверк первым шагнул вперед и протянул руку:

– Приятно будет отправиться в поход с человеком, обладающим утонченным остроумием.

– Согласен, – подхватил Хоукмун. – Мы будем счастливы, что ты поедешь с нами. Но мне хотелось бы знать, кому предназначен оставшийся шлем.

– Мне! – прозвучал знакомый голос. Хоукмун обернулся и взглянул на свою жену.

– Нет, он не для тебя, Иссельда.

– Но как ты можешь быть в этом уверен?

– Ну...

– Посмотри, он с белым гребнем и меньше, чем остальные. Как будто специально сделан для мальчика или женщины.

– Да, – неохотно признал Хоукмун.

– Разве я не дочь графа Брасса? Разве я держусь в седле хуже любого из вас?

– Да...

– Вы забыли, как я девчонкой сражалась на арене с быками? Разве, отец, я не обучалась вместе с гвардейцами нашего Камарга искусству владеть топором, мечом и огненным копьём?

– Это правда, – согласился граф. – У нее есть сноровка в этом искусстве. Но от воина требуется гораздо больше.

– Но разве я не крепка?

– Да, для женщины... – согласился хозяин замка. – Крепкая и мягкая, как шелк. Так, по-моему, выразился один местный поэт, – он бросил взгляд на покрасневшего Ноблио.

– Тогда, значит, у меня не хватает выносливости? – Глаза Иссельды горели и вызывающе, и весело.

– Нет, выносливости у тебя более, чем достаточно, – заверил ее Хоукмун.

– Смелость? У меня нет смелости?

– Да, никого не сыскать смелее тебя, дитя мое, – согласился граф.

– Тогда чего мне не хватает?

– У тебя все в порядке, – согласился Хоукмун. – Но... ты ведь – женщина, а...

– А женщины не воюют? Они остаются возле очага скорбеть по погибшим близким, так?

– Или встречают их, когда те возвращаются...

– Но почему я должна оставаться в замке? А кто будет меня защищать?

– Мы оставим охрану.

– Но вы же отлично знаете, что у нас каждый человек на счету.

– Да, это правда, – вздохнул Хоукмун. – Но не забывай, что ты ждешь ребенка!

– Я не забыла... Но я понесу его с собой в битву. Ведь если мы победим, он узнает радость победы даже раньше, чем появится на свет. А если мы будем разбиты, ему все равно не избежать гибели. Но тогда мы погибнем все вместе. Я не стану вдовой Хоукмуна, и ребенок не родится сиротой. Я ни за что не останусь одна в замке Брасс, Дориан. Я поеду с вами.

Она подошла к зеркальному шлему с белым гребнем, подняла его, надела на голову и восторженно всплеснула руками:

– Видите, он сидит превосходно! Он явно был изготовлен для меня. Мы поедем все

вместе, вшестером, и поведем Камарг вперед, против войск Империи Мрака.

– Да будет так, – тихо произнес Хоукмун, обнимая жену.

ГЛАВА 6 НОВЫЙ СОЮЗНИК

Мелиадус обустроил свой командный пункт в одной из самых высоких башен Лондры, откуда и наблюдал за прибытием войск.

С боями покинув континент, Волки и Стервятники уже вошли в город. Не успев миновать ворота, они тут же вступали в бой. Кроме того, сюда спешили Крысы, Кролики, Козлы и Собаки... Мелиадус напряженно уставился вниз. Более всего его удивлял некий отряд, который нес черно-белое знамя, что означало нейтралитет в схватке. Воины подошли ближе, и теперь Мелиадус смог увидеть их маски.

Стяг принадлежал Адазу Промпу, магистру Ордена Собаки. Трудно было сказать, что означало сейчас это знамя. Может быть то, что Промп еще не решил, чью сторону он примет. Или же за всем этим крылся какой-то подвох.

Мелиадус в задумчивости облизнул губы. С таким союзником можно было начать наступление на дворец Хеона.

За последние несколько дней битва за Лондру приобрела затяжной характер. Мелиадус стал задумчиво-мрачен. Он не знал, сработало ли устройство Тараорма и возвратился ли замок Брасс в свою собственную плоскость. Его прежнее радостное настроение, вызванное первыми успехами, сменилось нервозностью и тревогой. Главной причиной тому была неуверенность в своих силах.

Открылась дверь. И барон, машинально надев маску, повернулся и увидел графиню Флану.

– А, это ты, Флана... Чего ты хочешь?

– Здесь Тараорм.

– Тараорм? У него есть хорошие известия? Из-за спины показалась маска-часы.

– Я надеюсь, что у тебя, брат, скоро будут кое-какие радостные вести! – ядовито воскликнул Тараорм. – За последние несколько дней мы еще не добились существенных успехов.

– Подкрепления прибывают, – раздраженно бросил Мелиадус, махнув рукой в латной рукавице в сторону окна. – На нашей стороне Стервятники и даже Хорьки.

– Да, но и для Хеона тоже прибыло подкрепление. И, кажется, численностью оно превосходит наше.

– У Калана скоро должно быть готово новое оружие, – Мелиадус поднялся. – Оно даст нам решающее преимущество.

– Если оно сработает, – саркастически заметил Тараорм. – Я уже начинаю сомневаться, не допустил ли я ошибку, присоединившись к тебе.

– Теперь уже слишком поздно об этом думать, брат. Мы не должны ссориться, иначе нам конец.

– Да, тут я с тобой согласен. Если победит Хеон, то нам с тобой конец.

– Но он не победит.

– Нам понадобится для штурма дворца миллион солдат.

– У нас их столько и будет. Если мы одержим пусть даже небольшую победу, многие перейдут на нашу сторону.

Тараорм не обратил на это заявление никакого внимания и вместо ответа повернулся к Флане:

– А жаль, Флана, ты была бы прекрасной королевой...

– Она еще станет королевой, – резко произнес Мелиадус, еле сдержавшись, чтобы не ударить Тараорма. – Твой пессимизм, Тараорм, граничит с изменой.

– И ты убьешь меня за эту измену вместе со всеми моими знаниями? Ведь только я

знаю тайны времени!

Мелиадус пожал плечами:

– Нет, не убью. И давай лучше прекратим этот разговор и сосредоточимся на штурме дворца.

Флане наскучил их разговор, и она оставила их вдвоем.

– Я должен повидать Калана, – сказал Мелиадус. – Он несколько пострадал. Ему пришлось перемещать все свое хозяйство на новое место. Пошли, навестим его!

Они вызвали свои носилки, и их понесли по тускло освещенным коридорам и извивающимся лестницам вниз, к комнатам, которые Калан приспособил под новые лаборатории. Дверь отворилась, и в ноздри им ударил отвратительный запах. Мелиадус даже сквозь маску ощутил жар. Слезая с носилок, он закашлялся. Барон увидел обнаженного до пояса Калана. Его костлявое тело резко выделялось на фоне остальных. Калан в маске наблюдал за работой ученых. Он нетерпеливо поздоровался с прибывшими.

– Что вам надо? У меня нет времени на разговоры.

– Мы хотели бы знать, как продвигаются дела, барон, – повысил голос Мелиадус, пытаясь перекричать шум, царивший в зале.

– Надеюсь, хорошо. Оборудование до смешного примитивно. Но, несмотря на это, оружие почти готово.

Тарагорм взглянул на сплетение гибких трубок и проводов. Оттуда и исходил весь этот шум, жар и вся вонь.

– Это и есть твое оружие?

– Оно им станет...

– А что оно будет делать?

– Дайте мне людей, чтобы поднять его на крышу, и через несколько часов я покажу вам его в действии.

– Отлично, – кивнул Мелиадус. – Ты помнишь, как много зависит от твоего изобретения?

– Помню... Я начинаю проклинать себя за то, что присоединился к тебе. Но теперь нет смысла об этом говорить. Уходите, пожалуйста. А когда оружие будет готово, я дам вам знать.

Тарагорм и Мелиадус пошли обратно пешком. Носилки следовали за ними.

– Надеюсь, что Калан не потерял здравомыслия, – ледяным тоном произнес Тарагорм, – ибо, в противном случае, эта штука может уничтожить всех нас.

– Или вообще ничего не уничтожить, – мрачно подытожил Мелиадус.

– А теперь скажи, кто из нас пессимист?

Возвратившись в свои покои, Мелиадус увидел, что его кто-то ждет. Это был толстый человек, одетый в щегольские, покрытые черным шелком доспехи. На нем была ярко раскрашенная маска, изображавшая оскалившегося пса.

– Барон Адаз Промп, – объявила Флана, появившись из другой комнаты. – Он прибыл вскоре после твоего ухода.

– Барон, – обратился к нему Мелиадус, небрежно кланяясь, – ваше появление – большая честь для меня.

Из-под маски раздался голос Адаза Промпа:

– Из-за чего вы начали войну? И каковы ваши цели?

– Предмет спора – наши планы относительно завоевания новых земель. А цель – посадить на престол Гранбритании более разумного монарха, который будет уважать таких опытных воинов, как мы с вами.

– Вы имеете в виду – уважать ваши советы, – хихикнул Адаз Промп. – Ей-богу, должен признаться, я думал, что безумец не Хеон, а вы, милорд. К примеру, взять ваше маниакальное желание отомстить этому Хоукмуну и обитателям замка Брасс... Я подозревал, что оно объясняется вашей похотью и жаждой мести.

– И вы больше так не считаете?

– Мне наплевать. Но я начинаю разделять ваше мнение о том, что они представляют величайшую опасность для Грэнбритании и поэтому должны быть уничтожены, прежде чем мы станем думать о чем-нибудь другом.

– Почему же так изменилось ваше мнение? – в нетерпении Мелиадус наклонился вперед. – У вас есть какие-то данные, не известные мне?

– Есть одно-два подозрения, – неторопливо и тихо ответил Адаз Промп.

– И какие?

– Например, корабль, встреченный нами в северных морях, когда мы возвращались из Скандии по призыву нашего императора... И слухи из Франции... Вот и все.

– А что это был за корабль?

– Очень похож на те, что стоят на реке – со странной машиной в кормовом отделении и совершенно без парусов. Корабль был достаточно потрепан и дрейфовал. На его борту находились всего лишь два грэнбританца – оба раненые. Они умерли до того, как мы успели перенести их на наш корабль.

– Корабль Шенегара Тротта из Амарека?!

– Да, именно так они нам сказали.

– Но какое это имеет отношение к Хоукмуну?

– Похоже, что они встретили Хоукмуна в Амареке и чудом не погибли в кровавой битве у города под названием Днарк. А сражение, по словам солдат, разгорелось за право владеть Рунным Посохом.

– И Хоукмун выиграл сражение?

– В самом деле, странно... Солдат Тротта, как нам удалось выяснить, была тысяча, а против них – всего лишь четверо, включая Хоукмуна.

– И Хоукмун победил?

– Да, с помощью каких-то сверхъестественных сил. Все это напоминает глупую сказку. Но ясно одно: Хоукмун разгромил войско, во много раз превышающее его собственное, и убил Шенегара Тротта. Похоже, что ему служат какие-то не известные нам колдуны или ученые. Вспомните, как ловко он сумел скрыться от нас первый раз! И еще... Один из ваших Волков, когда мы двигались к Лондре, передал мне один слух...

– Что это за слух?

– Он сказал, что замок Брасс появился снова. И Хоукмун со своими воинами взял городок к северу от Камарга, уничтожив его гарнизон полностью – до последнего солдата. Но это только слух, и в него трудно поверить. Где мог Хоукмун набрать армию за столь короткий срок?

– Такие слухи – обычное дело во время войны, – задумчиво произнес Мелиадус. – Но не исключено, что так оно и есть. Значит, теперь вы верите, что Хоукмун для нас – большая угроза, чем считал Хеон?

– Это только предположение. Но я чувствую, что для него есть веские основания. И еще... Я думаю, будет лучше, если мы быстрее прекратим эту междоусобицу. Нам нужно поскорее выяснить, есть ли у Хоукмуна армия, и разделаться с ним. Я с вами, Мелиадус. В течение следующего дня я могу предоставить в ваше распоряжение около полумиллиона моих Собак.

– У нас достаточно сил, чтобы взять дворец, если учесть тех, кто находится в моем распоряжении?

– Возможно, если у нас будет поддержка артиллерии.

– Будет, – Мелиадус стиснул руку Промпа. – О, барон Адаз, я считаю, что к утру победа будет за нами!

– Но многие ли из нас доживут, чтобы увидеть ее? – мрачно отозвался Адаз Промп. – Взятие дворца короля-императора обойдется нам очень дорого. Мы потеряем несколько сот тысяч...

– Оно будет того стоить, барон. Поверьте мне!

Мелиадус ощутил радостное возбуждение. Его взбодрила перспектива грядущей

победы над Хеоном. Но в еще больший восторг его приводила мысль, что скоро у него появится шанс получить власть над Хоукмуном – если Калан сумеет найти способ снова вдохнуть жизнь в Черный Камень.

ГЛАВА 7

СРАЖЕНИЕ ЗА ДВОРЕЦ ХЕОНА

Скрывая нетерпение, Мелиадус смотрел, как солдаты устанавливают изобретение Калана на крыше его башни. Совсем неподалеку, у самого дворца, всюду разгорелся бой. Однако Промп еще не дал своим Собакам команду идти на штурм дворцовых ворот. Как видно, он желал выждать еще немного, чтобы убедиться в действенности оружия, изобретенного Каланом.

Со стороны громада дворца выглядела так, будто способна выдержать и отразить не просто любую атаку, но даже и конец света.

Дворец, окруженный четырьмя громадными башнями, пылающими странным золотистым светом, был украшен причудливыми барельефами. Они изображали сцены из истории Гранбретании. Здание сияло всеми цветами радуги. Гигантские стальные ворота девятиметровой толщины, казалось, были неприступны.

Даже Мелиадус, глядя на дворец, ощутил некоторое сомнение. Потом он внимательно осмотрел оружие Калана. Из массы проводов и трубок выделялась большая воронка, похожая на раструб чудовищной духовой трубы. Она была повернута к стенам дворца, где толпились солдаты из Орденов Богомола, Мухи, Вепря... За пределами города солдаты других орденов готовились напасть на Мелиадуса с тыла. И барон знал, что время решает многое. Если он одержит победу у дворцовых ворот, то может надеяться, что эти ордена перейдут на его сторону.

– Готово, – сообщил ему Калан.

– Тогда приступай, – проворчал Мелиадус. – Попробуй использовать эту штуку против войск, что скопились вон там, на стенах...

Калан кивнул, и его Змеи навели оружие. Сам же он шагнул вперед и взялся за большой рычаг. Калан обратил свое лицо в маске к грозovým небесам, словно в молитве, а затем потянул рычаг на себя.

Машина завибрировала. Из недр ее поднялся пар. Она затряслась, загрохотала, зарычала, а из трубы появился и стал расти огромный пульсирующий зеленый пузырь. На столпившихся у орудия людей дохнуло жаром. Пузырь отделился от воронки и начал медленно продвигаться к стенам.

Словно замороженный, Мелиадус смотрел, как пузырь плывет, достигает стены и опускается на столпившихся за ней воинов. Солдаты начали извиваться в зеленом горячем веществе, их крики оборвались, а потом воины исчезли совсем. Зеленый пузырь покатился по стене, пожирая человеческую плоть. Но вдруг он лопнул, и зеленая жидкость, булькая и шипя, стала стекать по стене вязкими ручьями.

– Он лопнул! Он не действует! – в ярости закричал Мелиадус.

– Терпение, барон! – крикнул Калан.

Его солдаты изменили положение орудия на несколько градусов.

– Смотри! – Он снова потянул за рычаг. Машина опять затряслась и зашипела, а в воронке опять образовался гигантский зеленый пузырь. Он поплыл к стене и прокатился, вращаясь, по другой группе солдат. Он катился все дальше, не оставляя на стене ни единого человека. И в конце концов тоже лопнул.

– А теперь мы пошлем их через стену, – довольно усмехнулся Калан и вновь потянул за рычаг. На этот раз он не тратил времени: вслед за первым пузырем полетел следующий, а потом еще и еще... Так десятка два пузырей переплыли через стену во внутренний двор. Калан ушел с головой в свою работу. Машина содрогалась и шипела; рядом с ней было невыносимо жарко.

– Эта смесь разъест все! – возбужденно говорил Калан. – Все! – он остановился на миг, чтобы показать. – Смотри, что она делает со стенами!

И вправду, вязкое вещество разъедало камень. Громадные куски разрушенной кладки падали вниз, на улицу. Солдаты в панике отступали. Зеленая смесь проходила через каменную кладку, будто кипящее масло сквозь лед, оставляя в стене огромные рваные бреши.

– Но как же здесь пройдут наши солдаты? – встревожился Мелиадус. – Этому веществу наплевать, что оно разъедает.

– Не бойся, – засмеялся Калан. – Смесь эффективно действует лишь несколько минут. – он снова потянул за рычаг, посылая через стену очередной пузырь. И большой участок стены неподалеку от ворот полностью рухнул. Когда рассеялась пыль, Мелиадус увидел, что путь во дворец открыт. Радости барона не было границ.

Внезапно из машины раздался визг, Калан поспешил отдать указания своим людям. Те принялись за работу.

На крыше появился Тарагорм и кивнул Мелиадусу.

– Я вижу, что недооценивал Калана, – он двинулся в сторону ученого. – Поздравляю, Калан.

– Ты видишь, Тарагорм? – замахал руками Калан. – Ты видишь? Почему бы тебе не попробовать? Надо всего лишь потянуть за рычаг...

Тарагорм обеими руками ухватился за рычаг. Его маска повернулась в сторону бреши в стене: сквозь нее были видны солдаты Хеона, отступающие во дворец. Их преследовали смертоносные пузыри.

Но со стороны Дворца вдруг рванула огненная пушка. Солдаты Хеона сумели, наконец, установить артиллерию так, как нужно. Несколько огромных огненных молний пронеслось над головами Мелиадуса, Калана и Тарагорма, а другие, не причинив никому вреда, рассыпались внизу по крышам и стенам зданий. Калан победно рассмеялся.

– Эти штуки бесполезны против моего оружия! Тарагорм, отправь туда пару пузырей, – и он ткнул пальцем в сторону окна, где находилась пушка.

Тарагорм, казалось, был так же увлечен машиной, как и Калан. Мелиадус забавлялся, глядя на двух ученых, играющих с ней, словно дети с новой игрушкой. Теперь он испытывал умиротворение: стало очевидно, что оружие Калана склонило чашу весов в его пользу. Настало время присоединиться к Адазу Промпу и повести войска на решительный штурм Дворца.

Барон спустился по лестнице внутрь башни и крикнул, чтобы принесли носилки. Усевшись в них, он поудобнее устроился на подушках, уже ощущая сладость триумфа.

Но вдруг над головой раздался чудовищный взрыв, потрясший всю башню. Мелиадус выскочил из носилок и бросился обратно на крышу. Не успел он достигнуть цели, как лицо его обдало сильным жаром. Мелиадус увидел Калана в погнутой маске. Он шел, шатаясь, в его сторону.

– Назад! – закричал Калан. – Машина взорвалась! Я был возле входа, иначе и меня бы убило. Моя смесь растекается по всей башне. Быстрее отсюда, иначе это вещество нас убьет!

– Тарагорм! – крикнул Мелиадус. – Что с ним?

– От него ничего не осталось, – бросил Калан. – Быстрее, нам придется как можно скорее покинуть башню. Поспешим, Мелиадус!

– Тарагорм погиб? После того, как сделал все, что мне нужно? – Мелиадус спускался по лестнице вслед за Каланом. – Я знал, что он доставит мне много хлопот после победы над Хеоном. Но теперь этого можно не опасаться! Бедный мой брат!

На бегу Мелиадус расхохотался.

ГЛАВА 8 ФЛАНА НАБЛЮДАЕТ ЗА БИТВОЙ

Графиня Флана, укрывшись в безопасности, следила, как солдаты сквозь образовавшуюся брешь устремляются во дворец. Внезапно прямо у нее на глазах башня, в которой находился штаб Мелиадуса, накренилась и с грохотом обрушилась на нижние этажи города. Сперва графиня решила, что Мелиадус погиб, но затем заметила, что над рядами солдат, идущих в бой, гордо реет его знамя. Там же Флана увидела и стяг Адаза Промпа. Удивительное дело, Волк и Собака, старые недруги, ныне вместе штурмовали дворец Хеона.

Она вздохнула. Шум битвы заглушал все, и от него некуда было спрятаться. Флана следила, как солдаты Хеона тщетно пытаются изменить диапазон действия огненных пушек – чтобы стрелять по солдатам во дворе. Но артиллерия уже была бесполезна. Ее установили для длительной осады. И теперь невозможно было за короткое время переместить пушки на нужные позиции. Ворота защищались всего лишь несколькими орудиями.

Постепенно стихали звуки битвы. Флана вновь подумала о д'Аверке, о том, скоро ли он появится. Новости, которые принес Промп, пробудили в ней надежду. Хотелось верить в то, что если Хоукмун жив, то и д'Аверк, вероятнее всего, тоже. Но ей казалось, что она уже никогда с ним не встретится. Кто знает, может быть, он погибнет в какой-нибудь битве... А если он даже не погибнет, то, наверное (так казалось графине), станет отщепенцем, изгоем... Флана была уверена, что Империя Мрака непобедима и что Хоукмун, д'Аверк и их воины погибнут в одном из сражений. Они, возможно, даже не смогут добраться до побережья раньше, чем их уничтожат, и не смогут приблизиться к Лондре, потому что их разделяет море. А Серебряный мост будет закрыт для партизан из Камарга.

У Фланы даже мелькнула мысль о самоубийстве. Но сейчас она не могла думать об этом всерьез. Она решила, что убьет себя, когда исчезнет всякая надежда, но не раньше. Еще графиня утешала себя мыслью, что если она станет королевой, у нее будет какая-то власть.

А также оставалась слабая надежда на то, что Мелиадус пощадит д'Аверка, ведь барон ненавидит его не так сильно, как Хоукмуна, хотя француз тоже считался предателем.

Крики с улицы опять стали громче, и Флана выглянула в окно.

Мелиадус и Адаз Промп въезжали во дворец. Победа явно была близка.

ГЛАВА 9

КОНЕЦ КОРОЛЯ ХЕОНА

Верхом на черном скакуне барон Мелиадус мчался по коридорам дворца, где столько раз прежде проходил пешком, унижаясь перед владыкой этих роскошных покоев. А теперь он скачет по ним, гордо вскинув голову, и эхо разносит по коридорам его торжествующий боевой клич... Каких-то пару дней назад он с дрогнувшим сердцем проходил мимо шеренг стражников-Богомоллов, а теперь, пробивая себе дорогу сквозь их ряды, без устали разил воинов огромным черным клинком, что прежде служил верой и правдой самому Хеону. Барон поднимал своего жеребца на дыбы, конь копытами бил по шлемам и ломал шеи стражникам.

С яростным хохотом Мелиадус рвался к тронному залу, а вслед за ним спешили его верные Волки. Он не остановился, а атаковал тех, кто суетился у огненной пушки, застав орудийную прислугу врасплох. За шесть секунд с плеч слетели шесть голов. Лучи огненных копий с визгом мелькали вокруг волчьей маски, но Мелиадус не обращал на это внимания. Он ворвался в ряды врагов. Глаза барона покраснели от боевого азарта. Ноздри его коня раздувались.

Мелиадус нападал на стражников-Богомоллов. Он нещадно рубил их, и те умирали в уверенности, что барон обладает сверхъестественной силой.

Однако в огромные двери тронного зала барона Мелиадуса Кройденского гнала уверенность в успехе и небывалое ощущение собственной силы. Барон обнаружил в зале немногочисленных защитников короля Хеона, пребывавших в полнейшем замешательстве. Когда стражники-Богомолы стали наступать, выставив вперед копья, Мелиадус громко расхохотался и промчался сквозь них раньше, чем они успели что-либо предпринять. Он

галопом пронесся прямо к Тронной Сфере, у которой еще совсем недавно стоял на коленях.

Черный шар замерцал, и в нем постепенно проявилась сморщенная фигура бессмертного короля-императора. Крохотное тельце зародыша извивалось, словно рыба, которую запустили в чуждую ей среду. Оно металось туда-сюда в ограниченном пространстве Сферы. Король был беззащитен и беспомощен. Хеон раньше не мог и представить, что ему когда-то придется защищать себя самому. Даже он при всей своей мудрости, накопленной за две тысячи лет, не мог вообразить, что гранбретанский вельможа посмеет выступить против своего наследного правителя.

– Мелиадус... – в юношеском голосе старца слышался страх. – Мелиадус, ты сошел с ума! Слушай, с тобой говорит твой король-император. Я приказываю присягнуть мне на верность и покинуть мой дворец.

В черных глазах, некогда злобно-насмешливых и язвительных, теперь читался просто животный ужас. Его цепкий язычок выскакивал изо рта, словно змеиное жало, а слабые крохотные ручки беспорядочно месили белую жидкость.

– Мелиадус!..

Содрогаясь от победного хохота, барон взмахнул своим громадным мечом и ударил по Тронной Сфере. Когда его клинок вошел в Сферу, Мелиадус ощутил шок, пронзивший все его тело.

Произошел взрыв, раздался чей-то вопль, и зал наполнился звоном падающих осколков. Жидкость брызнула на Мелиадуса.

Он протер глаза, ожидая, что увидит скорченное тело убитого, но не увидел ничего: вокруг была кремешная тьма.

Смех торжества сменился воплем ужаса:

– Клянусь зубами Хеона! Я ослеп!

ГЛАВА 10

ГЕРОИ ИДУТ ВПЕРЕД

– А здорово горит! – воскликнул Оладан, в последний раз обернувшись взглянуть на казарму, где еще совсем недавно размещался отряд пехотинцев-Крыс. Теперь там никого не осталось в живых, а командир их в мучениях умирал на эшафоте. Его распяли жители городка на том самом месте, где он некогда замучил множество мужчин, женщин и детей.

Шесть человек в зеркальных шлемах – Иссельда, граф Брасс, Хоукмун, д'Аверк, Оладан и Ноблио во главе пятисот воинов Камарга, вооруженных огнеметами, оставили городок далеко позади.

Первое столкновение с силами Империи Мрака окончилось полной победой камаргцев. Они внезапно атаковали небольшой гарнизон и меньше чем за час превратили всю крепость в руины.

Испытывая легкую эйфорию и не ощущая усталости, Хоукмун вел своих товарищей к следующему городку. Они слышали, что там находится гарнизон гранбретанцев.

Но вдруг он увидел всадника, приближающегося к ним галопом, и натянул поводья своего коня. Хоукмун понял, что это Орланд Фанк со своим неизменным боевым топором.

– Приветствую вас, друзья! – начал Фанк. – У меня есть кое-какие новости. Звери пожирают друг друга. В Гранбретании идет гражданская война. Мелиадус восстал против Хеона. Лондра превратилась в огромное поле битвы. Погибли уже тысячи гранбретанцев!

– Так вот почему их так мало здесь! – протянул Хоукмун, снимая зеркальный шлем и вытирая лоб платком. В последнее время он так редко носил доспехи, что никак не мог к ним привыкнуть. – Их всех отозвали на защиту короля Хеона...

– Или же на помощь Мелиадусу... Все это нам только на руку.

– Действительно, – отозвался граф Брасс несколько более взволнованным голосом, чем обычно, – это означает, что они уничтожают друг друга и выравнивают соотношение сил в нашу пользу. Пока они грызутся, мы должны как можно скорее добраться до Серебряного

моста, переправиться через него и достичь Гранбретании. Удача с нами, мастер Фанк!

– Тогда не лучше ли нам направиться к морю? – предложила Иссельда.

– Конечно, – согласился Хоукмун. – Давайте воспользуемся их затруднениями.

– Разумная мысль, – кивнул Фанк. – И поскольку я считаю себя человеком разумным, то поеду с вами.

– Мы будем весьма рады, мастер Фанк.

ГЛАВА 11 ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ

Барон Мелиадус, тщетно пытаясь отдышаться, заставил себя лежать на носилках неподвижно, в то время как Калан склонился над ним и обследовал его глаза своими инструментами. Голос барона был полон ярости и боли.

– В чем же дело, Калан? – простонал Мелиадус. – Почему я ослеп?

– Вспышка при взрыве была слишком яркой, – пояснил Калан. – Зрение восстановится через пару дней.

– Но у меня нет пары дней... Я должен видеть! Мне нужно точно знать, что против меня не затевается никаких заговоров. Мне необходимо убедить баронов присягнуть на верность Флане сейчас же. А потом – выяснить, что делает Хоукмун.

– Почти все бароны уже решили поддержать нас, – успокоил его Калан. – Серьезную угрозу для нас представляет лишь Йорик Нанкенсен, его Мухи и Вреналь Фарно. Но от ордена Фарно фактически ничего не осталось: большинство Крыс погибло еще до штурма Дворца. Промп сейчас как раз очищает город от Мух и Крыс.

– Крыс не осталось, – проговорил задумчиво Мелиадус. – Как ты думаешь, Калан, сколько всего убитых?

– Убита примерно половина воинов Гранбретании.

– Половина? Я уничтожил половину наших воинов?

– Разве одержанная тобой победа не стоит этого? Невидящий взор Мелиадуса был устремлен в потолок.

– Да, я полагаю, стоит... – теперь он, выпрямившись, сел на носилках.

– Но я должен оправдать гибель тех воинов, кто пал в сражении. Я сделал это ради Гранбретании и для того, чтобы избавить мир от Хоукмуна и подонков из замка Брасс. Я должен победить, иначе меня ничто не оправдает.

– На этот счет не волнуйся, – улыбнулся Калан. – Я работаю еще над одной из своих машин.

– Новое оружие?

– Старое... Но я заставил его вновь заработать.

– И что же оно из себя представляет?

– Это машина Черного Камня, барон, – усмехнулся Калан. – Скоро Хоукмун окажется в нашей власти. Сила Черного Камня просто уничтожит его мозг!

Теперь на губах Мелиадуса медленно проступала удовлетворенная улыбка.

– Ах, Калан, наконец-то!

Калан заставил Мелиадуса лечь и принялся втирать мазь в слепые глаза барона.

– А теперь отдохни и помечтай о власти, старый друг. Мы вместе насладимся ею.

Вдруг Калан поднял голову. В комнату вошел гонец.

– Что такое? Какие-то новости?

– Я прибыл с континента, – гонец тяжело дышал. – У меня новости о Хоукмуне и его войске, милорд.

– Что там еще? – снова приподнялся на носилках Мелиадус, и мазь потекла у него по щекам. – Что там о Хоукмуне?

– Они движутся по Серебряному мосту, милорд!

– Так они собираются вторгнуться в Гранбретанию? – недоверчиво спросил

Мелиадус. – Сколько же у них бойцов?

– Пятьсот всадников, милорд. Мелиадус засмеялся.

ГЛАВА 12 НОВАЯ КОРОЛЕВА

Поддерживая Мелиадуса под руку, Калан подвел его к ступенькам трона. Установленный на возвышении, он заменял теперь зловещую Тронную Сферу. На престоле восседала Флана Микосеваар в маске Цапли, украшенной самоцветами. На голове ее красовалась корона, а с плеч ниспадала роскошная королевская мантия.

– Итак, – воскликнул Мелиадус, и голос его гулко разнесся по огромному залу, – перед вами ваша новая королева. При королеве Флане вы обретете величие, о котором до этого могли только мечтать. Мы вступаем в новую жизнь, и теперь будем по-новому наслаждаться всеми удовольствиями, которыми мы, гранбретанцы, дорожим. Весь мир станет послушной игрушкой в наших руках!

И бароны начали присягать на верность королеве Флане. Когда наконец церемония закончилась, вновь заговорил Мелиадус:

– А где Адаз Промп, главнокомандующий войсками Гранбретании?

– Я здесь, милорд, – отозвался Промп. – И я благодарю за честь, оказанную мне.

Впервые Мелиадус сообщил о том, что Промп в награду получил власть над всеми другими военачальниками, исключая, естественно, самого Мелиадуса.

– Доложи нам, Адаз Промп, как обстоят дела с мятежниками.

– Их осталось немного, милорд. Те Мухи, которых мы еще не прихлопнули, разлетелись. А их магистр Йорик Нанкенсен мертв. Я сам убил его. Вреналь Фарно и кое-какие оставшиеся Крысы разбежались по своим суссекским норам, и скоро будут уничтожены. Остальные объединились в своей преданности королеве Флане.

– Это нас радует. Я доволен. А как обстоят дела с Хоукмуном и его бандой? Они все еще движутся сюда?

– Именно так докладывают наши пилоты с разведывательных орнитоптеров. Скоро они пожалуют к нам, милорд.

– И пусть, – засмеялся Мелиадус. – Пусть пройдут хотя бы половину пути до Лондры... А потом мы уничтожим их. Идемте, мои капитаны!

Калан повел Мелиадуса по ступеням трона через зал. Они подошли к воротам, которые охраняли теперь не стражники-Богомолы, а Волки и Стервятники. Мелиадус сожалел, что не может этого увидеть и насладиться своим триумфом еще раз.

Двери в зал закрылись, а Флана все сидела на троне и думала о д'Аверке. Ее терзали сомнения, жив ли он. Графиня попыталась было поговорить о нем с Мелиадусом, но тот даже не захотел ее выслушать.

Она также размышляла о том, что ждет ее в будущем. Пожалуй, единственная из всей знати (за исключением разве что Шенегара Тротта), Флана прочла множество древних манускриптов. Некоторые из них были как бы легендами и историей жизни до Тысячелетия Ужаса. Графиня знала, что она правит страной на последней стадии ее упадка. Захватнические войны и внутренняя борьба были признаками предсмертной агонии. И хотя сама смерть наступит еще через двести-триста лет, Флана понимала, что Империя Мрака обречена.

Она молилась о том, чтобы на ее место явился кто-то более достойный.

ГЛАВА 13 «ЧТО ТЫ ВИДИШЬ?»

Мелиадус ухватился за поводья коня своего герольда.

– Мальчик мой, не оставляй меня ни на мгновение. Ты должен рассказывать мне все,

что видишь перед своими глазами, чтобы я мог отдавать команды войскам.

– Разумеется, милорд, я постараюсь.

– Вот и отлично. Все ли войска приведены в боевую готовность?

– Все, милорд. Они ждут только вашего сигнала.

– Этого негодяя Хоукмуна еще не видно?

– Я вижу всадников, скачущих по Серебряному мосту. Если они не остановятся, то врежутся прямо в наши ряды.

– Не остановятся, – хмыкнул Мелиадус. – Нет, теперь уже вряд ли... Ты различаешь их лица?

– Я вижу блеск – будто от серебра или сигнала гелиографа. Один, два, три, четыре, пять, шесть... Это солнце заставляет их так сверкать! Шесть серебряных зеркал... Интересно, что это может быть?

– Блестящие наконечники копий?

– Не думаю, милорд.

– Ну, мы это скоро узнаем!

– Да, милорд.

– А что теперь?

– Теперь я вижу шестерых всадников во главе кавалерии. У каждого на голове украшение из серебра. Ой, милорд, это так блестят их шлемы!

– Значит, они хорошо начищены!

– Шлемы закрывают лица. Я едва могу вынести их блеск – такие они яркие.

– Странно... И все-таки их шлемы не выдержат ударов нашего оружия! Ты передал нашим воинам, что Хоукмуна надо взять живым, а остальных они могут убить?

– Передал, милорд.

– Молодец.

– И еще я сказал им то, что вы велели: если Хоукмун начнет хвататься за голову или странно себя вести, то необходимо сразу же сообщить вам об этом.

– Превосходно! – захохотал Мелиадус. – Превосходно! Я отомщу им, так или иначе.

– Они уже почти перебрались на берег, милорд. Они нас заметили. Но не остановились.

– Тогда подавай сигнал к атаке! – приказал Мелиадус. – Дуй в свою трубу, герольд!

Они атакуют?

– Атакуют, милорд!

– И что теперь? Армии встретились?

– Они схватились, милорд.

– И что происходит?

– Я... я не понимаю, милорд... Из-за блеска этих странных шлемов... Откуда-то появился ярко-красный свет. В армии Хоукмуна, кажется, больше солдат, чем мы думали. Пехота и немного кавалерии. Клянусь зубами Хеона... Ой, прошу прощения, милорд, клянусь грудями Фланы! Это самые страшные воины, каких я когда-либо видел!

– А как они выглядят?

– Как варвары, первобытные люди... И кажутся ужасно свирепыми. Они врезаются в наши ряды, как нож в масло!

– Что?! Этого не может быть! У нас пять тысяч солдат, а у них – пятьсот. Все рапорты подтверждают это число!

– Там больше пятисот, милорд. Намного больше!

– Значит, все разведчики лгали? Или же мы все сошли с ума? Откуда взялись эти воины-варвары? Они, должно быть, прибыли с Хоукмуном из Амарека. Что происходит? Наши воины дают им отпор?

– Нет, милорд.

– Тогда что же они делают?

– Они отходят.

– Отступают? Невозможно!

– Похоже, они отступают очень быстро. Те, что остались живы...
– Что ты говоришь? Так сколько осталось от наших пяти тысяч?
– Я бы сказал, примерно пятьсот человек пехоты, милорд, и сотня – кавалерии, рассеянной по полю.
– Прикажи, герольд, приготовить машину орнитоптера.
– Да, милорд! Пилот готов!
– Как там Хоукмун и его банда в серебряных шлемах?
– Они преследуют остатки наших войск.
– Меня каким-то образом обманули!
– Есть много убитых. А теперь воины-варвары уничтожают пехоту. Осталась только кавалерия!
– Я не могу в это поверить! О, будь проклята моя слепота! Я чувствую себя, словно во сне!
– Я отведу вас к орнитоптеру, милорд!
– Да-да. В Лондру! Спешите! Я должен обдумать все случившееся и решить, что делать дальше.

Когда орнитоптер набирал высоту, барон Мелиадус почувствовал, что в глазах у него мелькнул серебристый отблеск. Моргнув, он посмотрел вниз. Да, зрение возвращалось к нему. Мелиадус увидел шесть сверкающих шлемов – это о них говорил ему герольд. Он увидел поле, усеянное трупами его солдат, которые, по его расчетам, должны были уничтожить силы Хоукмуна. Барон заметил остатки своей кавалерии и услышал отдаленный смех, принадлежавший его самому ненавистному врагу.

Мелиадус погрозил кулаком:

– Хоукмун! Хоукмун!

Блеснуло серебро: человек в блестящем шлеме задрал голову вверх.

– Какими бы фокусами ты ни пользовался, Хоукмун, все равно этой ночью ты погибнешь. Тебя ничто не спасет! Я знаю это! Я знаю!

Он снова посмотрел вниз, отвечая полным ненависти взглядом на смех Хоукмуна. Мелиадус поискал варваров, разгромивших его армию, но нигде их не увидел.

«Это кошмар», – подумал Мелиадус. Он не мог понять: герольд ли был подкуплен Хоукмуном или варвары оказались невидимыми для его глаз?

Мелиадус потерял лицо. Наверное, виной всему – его недавняя слепота, от которой он еще не оправился... Варвары исчезли. Барон осмотрел все поле.

Но нет, нигде не оказалось ничего похожего...

– Поторопись, пилот! – приказал он, пытаясь перекричать шум крыльев.

– Мы должны как можно скорее вернуться в Лондру. Мелиадус уже начал понимать, что разгром Хоукмуна будет не таким простым делом, как он предполагал раньше. Но потом он вспомнил о Калане и машине Черного Камня. И улыбнулся.

ГЛАВА 14 ВОЗРОЖДЕНИЕ ЧЕРНОГО КАМНЯ

Сняв зеркальные шлемы, шестеро воинов смотрели вслед отступающему противнику. Их собственная победа до сих пор казалась им чудом, и они не могли думать об этом без благоговения. Убитыми они потеряли всего два десятка человек, и еще столько же получили легкие ранения.

– Да, Легион Рассвета оказалась для них полной неожиданностью, – улыбнулся граф Брасс. – Их настолько поразило его появление, что о достойном сопротивлении не могло быть и речи. Однако боюсь, что к тому времени, когда мы подойдем к стенам Лондры, они подготовятся гораздо лучше.

– Верно, – согласился Хоукмун. – Вне всяких сомнений, Мелиадус в следующий раз выставит намного больше солдат, – он дотронулся до Красного Амулета у себя на шее и

взглянул на Иссельду.

– Ты отлично сражался, – произнесла она, откинув белокурые волосы. – Ты бился, как сотня воинов.

– Это потому, что амулет придает мне силу пятидесяти солдат, а твоя любовь – энергию еще столько же, – отшутился он.

– До нашей помолвки ты мне никогда не льстил, – тихо засмеялась она.

– Наверное, это потому, что я стал тебя любить еще больше, чем прежде.

– Нам лучше разбить лагерь подальше отсюда, – вмешался д'Аверк. – Эти трупы мне не нравятся.

– Я займусь ранеными, – сказал Ноблио.

Он повернул коня туда, где сгруппировались кавалеристы Камарга. Они, спешившись, переговаривались друг с другом.

– Вы действовали отлично, ребята, – крикнул им граф Брасс. – Что скажете, а? Это было похоже на старые добрые времена, когда мы сражались в Европе! А теперь мы бьемся за спасение той же Европы!

Хоукмун хотел что-то сказать, но вдруг издал странный вопль и выронил шлем, прижав руки к голове и выкатив глаза от боли и ужаса. Он закачался в седле и, наверное, упал бы, если бы его не поддержал Оладан.

– Что такое, Дориан? – встревожился Оладан.

– Почему ты кричишь, любовь моя? – испугалась Иссельда, спешиваясь и помогая Оладану держать Хоукмуна.

Побледневшими губами Хоукмун смог только выдавить из себя сквозь стиснутые зубы:

– Эт-тот... Камень... Черный Камень... Он... он снова вгрызается в мой мозг! Его сила вернулась! – Дориан закачался и упал к ним в объятия – бледный, как смерть. Руки его безвольно повисли. Когда шлем сняли, жена и друг увидели, что Черный Камень во лбу у Хоукмуна вновь начал наливаться жизнью. К нему вернулся прежний блеск.

– Оладан, он умер? – в ужасе вскрикнула Иссельда.

– Нет, еще жив, но не могу сказать, надолго ли... Ноблио! – позвал Оладан. – Сэр Ноблио! Скорее сюда!

Ноблио поспешил к ним, поднял Хоукмуна на руки и покачал головой. Не в первый раз видел он герцога Кельнского в подобном состоянии.

– Я могу попробовать сделать лекарство, но у меня нет тех составляющих, что были тогда в замке Брасс.

Ноблио принялся за работу. Иссельда, Оладан, а потом и граф Брасс с испугом наблюдали за происходящим. Наконец Хоукмун зашевелился и открыл глаза.

– Камень... – пробормотал он. – Мне приснилось, что он снова пожирает мой мозг...

– Так и будет, если мы в ближайшее время не найдем средство его нейтрализовать, – проговорил Ноблио. – Сила его пока исчезла, но я не знаю, когда, где и как она может вернуться.

Хоукмун с огромным трудом поднялся. Он был бледен и едва стоял на ногах.

– Тогда мы должны немедленно отправиться дальше – к Лондре, пока у нас есть время. Если оно, конечно, есть...

– Да, если есть время...

ГЛАВА 15 ВРАТА ЛОНДРЫ

Шестеро всадников въехали на вершину холма во главе своей кавалерии и увидели, что войска Мелиадуса построились перед воротами Лондры и уже ждут их.

Изнемогая от страшной боли, Хоукмун нащупал амулет. Дориан знал, что только он сохранял ему жизнь, помогая бороться с силой Черного Камня. Этот камень питала энергией машина, которой управлял Калан, находившийся, как слышал Хоукмун, где-то в Лондре. А

значит, чтобы добраться до Калана, Дориан должен был взять город и разбить многочисленное войско.

Обнажив Меч Рассвета, Хоукмун, не колеблясь, подал сигнал к атаке. Он знал, что медлить нельзя, ибо каждая секунда могла стоить жизни ему и его друзьям.

Камаргская конница поднялась на холм и атаковала войско, намного превосходившее ее по численности. Гранбританцы встретили их огнемётами, и нападавшие открыли ответный огонь. Хоукмун, сочтя момент наиболее подходящим, выхватил меч.

– Легион Рассвета! Я вызываю Легион Рассвета!

А потом его череп пронзила боль, и он застонал, ощутив жар Камня во лбу.

Иссельду охватило беспокойство. Она только успела спросить:

– Что с тобой, любовь моя?

Но ответить ее любимый не смог.

Они оказались в гуще битвы. Глаза Хоукмуна остекленели: он с трудом различал силуэты вражеских солдат и не мог определить, появились ли воины Рассвета.

Но Легион все-таки вступил в бой, освещая себе путь среди массы дерущихся особым розовым светом. Дориан вдруг почувствовал, что его наполняет энергия Красного Амулета, нейтрализующая Черный Камень. Он ощутил, что к нему вновь возвращаются силы. Но не знал, надолго ли.

Теперь Хоукмун беспощадно разил воинов в масках Стервятника, сражавшихся палицами с рукоятками и набалдашниками, похожими на растопыренные лапы с длинными когтями. Вот Дориан отразил удар и нанес ответный: его громадный меч прорубил панцирь воина и вошел тому прямо в грудь. Хоукмун откинулся в седле, чтобы уклониться от вражеской палицы, и проткнул ее владельца, угодив тому прямо в пах.

Воины сражались, словно в горячке. Воздух вокруг был пропитан страхом. Хоукмун скоро понял, что это худшая из битв, в которых ему когда-либо доводилось участвовать: солдаты Империи Мрака, потрясенные появлением Легиона Рассвета, утратили свою обычную храбрость и дрались совершенно беспорядочно, нарушив порядок и не слушая командиров.

Дориан Хоукмун понял, что это будет нелегкий бой, в котором уцелеют немногие. Кроме того, он начал подозревать, что ему, вероятно, тоже не придется увидеть, чем кончится сражение – боль в голове усиливалась.

Никто не увидел, как погиб Оладан. Он сражался один против дюжины пехотинцев-Свиней и пал, изрубленный в куски их топорами.

Граф Брасс погиб после схватки с тремя баронами. Адаз Промп, Мигель Хольст и Сак Гордон, магистр Ордена Быка, узнали его, но не по шлему, который отличался от других шести только гребнем. Графа выдавало его телосложение и медные доспехи. Трое – Собака, Козел и Бык – набросились на него с мечами. Граф Брасс встретил их пешим – он лишился коня в бою с последним противником. Оторвав взгляд от тела убитого, граф увидел пробивающихся к нему баронов и взялся обеими руками за свой огромный меч. Когда всадники приблизились, он взмахнул мечом и подрубил лошадям передние ноги, так что бароны перелетели через головы своих лошадей и упали в грязь. Первым граф Брасс успешно отправил на тот свет Адаза Промпа, распластавшегося в весьма недостойной позе. Следом он отсек голову Мигелю Хольсту, хотя магистр Ордена Козла и молил о пощаде. Оставалось лишь разделаться с Саком Гордоном. У барона Сака было достаточно времени подняться на ноги и встать в позицию. Он несколько раз мотнул головой: его ослеплял зеркальный шлем графа. Заметив это, граф Брасс сорвал с себя шлем и отшвырнул его в сторону, выставляя во всей красе свои ошетилившиеся усы и медные волосы. Боевой азарт охватил его.

– Двоих я прикончил не так уж честно, – проворчал граф, – так что будет справедливо дать тебе шанс убить меня.

Сак Гордон бросился вперед, подобно бешеному быку своего ордена. Граф Брасс посторонился и, взмахнув мечом, рассек пополам маску противника вместе с черепом. Барон

рухнул, как подкошенный; граф Брасс, глядя на бездыханное тело, торжествующе улыбнулся. Но он на мгновение утратил обычную бдительность, и всадник в маске Козла, подъехавший сзади, проткнул его шею копьем.

У графа даже хватило сил повернуться и вырвать копье из рук нападавшего. Уже на последнем вздохе он метнул свой меч и попал Козлу в горло, отплатив ему тем же самым. А потом затих навсегда.

Свидетелем этой нелепой гибели стал Орланд Фанк. Перед боем он ненадолго покинул героев Камарга и вступил в битву позже, с большим искусством орудуя своим боевым топором.

Солдаты Империи Мрака, потеряв трех своих предводителей, стали продвигаться ближе к воротам. И лишь барон Мелиадус устрашающим видом (на нем были черные доспехи, черная волчья маска и в руках – того же цвета огромный меч) пытался поначалу удержать своих воинов от панического бегства.

Но и он был оттеснен, когда Хоукмун, Иссельда, д'Аверк, Ноблио и Орланд Фанк повели свое немногочисленное войнство и Легион Рассвета против оставшихся зверей Гранбретании.

Воины Мелиадуса не успели закрыть ворота, и герои Камарга ворвались в город. Тогда барон понял, что сначала он не ошибся в оценке сил Хоукмуна, но позже из-за своей излишней самоуверенности потерял бдительность. Мелиадус подумал, что им теперь остается только одно – вызвать к воротам все оставшиеся в городе войска и ждать, когда Калан найдет способ увеличить энергию Черного Камня.

Но внезапно барон взбодрился, заметив, что Хоукмун закачался в седле, а руки его взметнулись к серебряному шлему. Мелиадус увидел странного человека в шапочке и клетчатых брюках, подхватившего Дориана и вытащившего из седельной сумки Хоукмуна что-то обернутое в кусок материи.

– Слушай меня, друг, – шепнул Фанк Хоукмуну, – настало время воспользоваться Рунным Посохом. Настало время поднять наше знамя. Сделай это сейчас, иначе больше не проживешь ни минуты.

Хоукмун остро ощущал силу, вгрызающуюся в мозг. Фанк вложил в руку герцога Рунный Посох; Дориан стиснул его левой рукой, высоко поднял над головой и увидел, что воздух вокруг него вспыхнул золотым светом.

– Рунный Посох! – кричал Фанк. – Рунный Посох! Мы сражаемся за Рунный Посох! – и он захохотал.

Гранбретанцы в ужасе начали отступать. Они были уже настолько деморализованы, что, несмотря на численность своего войска, превосходящую в несколько раз силы Хоукмуна, отхлынули к воротам города. Фанк чувствовал себя победителем.

Но барон Мелиадус не собирался признавать себя побежденным. Он заорал на своих солдат:

– Это ничто! Это обычный посох! Он не может причинить нам вреда! Вперед, идиоты, взять их!

И тогда воины Камарга рванулись вперед. Но Хоукмун, с трудом удерживаясь в седле, все же сумел пересилить себя и пронести через ворота Лондры Рунный Посох. На улицах города их пыталась остановить миллионная армия гранбретанцев, находившаяся в резерве.

Дориан, словно во сне, вел свой сверхъестественный Легион с мечом Рассвета в одной руке и Рунным Посохом – в другой.

Толпа стала совершенно непроницаемой. Пехотинцы-Свиньи и всадники-Козлы пытались стащить героев Камарга с лошадей, и на некоторое время всякое движение камаргцев застопорилось. Хоукмун заметил, как дюжина гранбретанских зверей стащила с седла одного человека в зеркальном шлеме. Тот сражался доблестно и самоотверженно. Дориан испугался: этим воином могла оказаться Иссельда. Он вдруг почувствовал необычный прилив сил в одеревеневших мускулах. Он уже развернулся, чтобы добраться до упавшего товарища. Но там появился еще один всадник в сверкающем шлеме. Он

продвигался вперед, расчищая себе дорогу мечом. И Хоукмун понял, что в опасности оказалась не Иссельда, а Ноблио, и на помощь тому пришла его любимая. Но было уже поздно. Ноблио исчез в массе Козлов, Псов и Свиной, а потом кто-то из них поднял высоко над головой окровавленный зеркальный шлем. Правда, воин держал его лишь мгновение – тонкий меч Иссельды тут же перерубил запястье убийцы, и кровь хлынула фонтаном...

Хоукмуна сотряс еще один приступ головной боли, который почти ослепил его. Калан снова увеличил мощност. Хоукмун застонал, его глаза вновь затуманились. Но Дориан, защищая себя от мелькающего вокруг оружия, сумел удержать над толпой Рунный Посох.

Когда на минуту его зрение прояснилось, он увидел, что д'Аверк прорубает себе дорогу явно в определенном направлении. Хоукмун понял, что друг стремится во дворец, чтобы поскорее увидеть любимую женщину, королеву Флану. Но, увы! Суждено ему было другое...

Каким-то образом д'Аверк все же сумел пробиться к самому дворцу. Он проник внутрь сквозь брешь в стене, спешил к наружной лестнице и бросился к стражникам, охраняющим вход. У них были огнеметы, а у д'Аверка остался только меч. Пламя с визгом пронеслось над его головой. Он бросился наземь и перекатился в канаву, которая образовалась от жидкости пузырями Калана. Д'Аверк нашел там огнемет и направил его на стражников, прежде чем они поняли, что произошло.

Затем д'Аверк выбрался из канавы и помчался по коридорам. Грохот его сапог эхом разносился по покоям Дворца. Он бежал, пока, наконец, не добрался до дверей тронного зала. Ему вновь пришлось воспользоваться тем же огненным копьем: д'Аверк сразил два десятка стражников, отделавшись при этом легким ожогом правого предплечья. Д'Аверк приоткрыл дверь и заглянул в тронный зал. Примерно в миле от дверей виднелось возвышение, где должен был находиться трон. Но разглядеть, сидит ли там Флана, он не мог. В зале, казалось, никого больше не было.

Д'Аверк оглянулся и побежал к трону. На бегу он выкрикивал ее имя:

– Флана! Флана!..

Флана грезила, сидя на троне. Подняв глаза, она увидела приближающегося к ней человека. Графиня услышала свое имя, подхваченное тысячекратным эхом в огромном зале:

– Флана! Флана! Флана!

Она узнала знакомый голос, но боялась поверить, думая, что это игра ее воображения...

К ней приближался человек в шлеме, сверкающем, словно начищенное до зеркального блеска серебро. Но этого человека нельзя было не узнать.

– Гьюлам? – неуверенно прошептала она. – Гьюлам д'Аверк?

– Флана, – человек скинул шлем и отшвырнул его прочь; шлем покатился по полу. – Флана!

– Гьюлам, – она поднялась с места и стала медленно спускаться к д'Аверку.

Со счастливой улыбкой он раскрыл ей навстречу объятия. Но им не суждено было соединиться. Луч пламени, ударивший с галереи, точно разряд молнии, испепелил д'Аверка. С пронзительным воплем тот упал на колени, а потом рухнул навзничь и умер у ног своей возлюбленной.

Она затряслась от рыданий.

А сверху бдительный стражник воскликнул, весьма довольный собой:

– Теперь вы в безопасности, моя госпожа!

ГЛАВА 16 ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА

Войска Империи Мрака по-прежнему наводняли город-лабиринт, и Хоукмун с отчаяньем осознал, что Легион Рассвета становится все малочисленнее. Теперь уже, когда погибал один воин, не всегда его место занимал другой. Но воздух вокруг Хоукмуна был насыщен горько-сладким ароматом, исходившим от Рунного Посоха, и заполнен его

странными узорами.

Завидев Мелиадуса, Дориан Хоукмун ощутил новый приступ боли; в глазах вдруг потемнело, и он рухнул с лошади. Мелиадус тоже сошел со своего черного скакуна и медленно направился к Хоукмуну. Рунный Посох выпал у того из рук, и герцог едва удерживал Меч Рассвета.

Дориан пошевелился и застонал. Вокруг него бушевала битва, но теперь ему казалось, будто она не имела к нему никакого отношения. Дориан почувствовал, что боль усиливается, открыл глаза и заметил приближающегося Мелиадуса в маске, которая своим оскалом точно предвещала ее владельцу близкую победу. В горле у Хоукмуна пересохло. Он сделал отчаянную попытку дотянуться до Рунного Посоха, что лежал на камнях мостовой.

– Ну, Хоукмун, наконец-то, – мягко произнес Мелиадус. – Я вижу, ты страдаешь. Ты ослаб... Единственное, о чем я сожалею, так это о том, что ты не доживешь до нашей победы и не увидишь Иссельду в моей власти, – Мелиадус говорил с глумливой жалостью и заботой. – Неужели ты не можешь подняться?... Что, камень разъедает твой мозг, скрытый за этой серебряной маской? Как ты думаешь, стоит ли мне подождать, пока он убьет тебя, или сделать это самому? Ты можешь мне ответить?... Не желаешь ли попросить пощады?

Хоукмун схватил Рунный Посох и крепко сжал его, тут же ощутив, что в него вливаются новые силы. Энергии оказалось не так много, но достаточно, чтобы подняться на ноги. Он стоял, согнувшись, а дыхание перемежалось тяжелыми рыданиями, приглушенными шлемом. Хоукмун будто в тумане увидел Мелиадуса: барон взмахнул мечом, намереваясь собственноручно лишить жизни защитника Камарга.

Дориан попытался поднять Меч Рассвета, но не сумел.

Мелиадус на секунду заколебался:

– Выходит, ты не можешь сражаться? Не можешь драться! Мне жаль тебя, Хоукмун, – он протянул руку. – Отдай мне этот Посох! Ведь его именем я поклялся, что отомщу замку Брасс и его обитателям. И теперь моя месть почти завершена. Позволь мне забрать его, Хоукмун!

Пошатываясь, Дориан отступил и тряхнул головой. Он не мог говорить из-за страшной слабости во всем теле.

– Хоукмун, отдай его мне!

– Ты... не... получишь... его, – прохрипел герцог Кельнский.

– Тогда мне придется тебя убить. – Мелиадус вновь вскинул меч, и в этот миг Рунный Посох вдруг вспыхнул еще ярче, и барон увидел свое отражение в сверкающем шлеме Хоукмуна.

Зрелище это так поразило Мелиадуса, что он замешкался, опуская оружие. А Хоукмун, получив новые силы от Рунного Посоха, поднял Меч Рассвета. Он чувствовал, что его хватит лишь на один удар, и понимал, что удар этот должен быть смертельным для противника, зачарованного собственным отражением.

Герцог Кельнский поднял Меч Рассвета, а затем обрушил его на врага. Мелиадус издал истошный крик, когда клинок Хоукмуна рассек ему предплечье и вошел прямо в сердце. Из последних сил Мелиадус успел еще прохрипеть:

– Будь проклят этот Рунный Посох! Он принес гибель Гранбретании!

Но Хоукмун уже ничего не слышал. Он рухнул на землю, уверенный, что теперь ему наверняка пришел конец, что погибнут обессиленные Иссельда и Орланд Фанк. Ведь у Империи Мрака оставалось еще неисчислимое войско...

ГЛАВА 17 ПЕЧАЛЬНАЯ КОРОЛЕВА

Очнувшись, Хоукмун с ужасом увидел прямо перед собой змеиную маску барона Калана Витальского. Рывком выпрямившись, Дориан схватился за оружие.

Калан повернулся к стоящим рядом людям:

– Я же обещал, что смогу это сделать. И вот... его разум в полном порядке, силы к нему вернулись... А теперь, королева Флана, я бы хотел попросить разрешения вернуться к своим занятиям.

Хоукмун узнал маску Цапли. Флана кивнула Калану, и тот выскользнул в соседнюю комнату, осторожно прикрыв за собой дверь. К нему приблизились какие-то люди, и Дориан с радостью увидел среди них Иссельду. Сжав ее в объятиях, он покрыл жену поцелуями.

– О Хоукмун! – вздохнула она. – Я так боялась, что Калан обманет нас. Это королева Флана приказала своим людям прекратить сражение, а потом отыскала тебя. Мы с Орландом Фанком оставались последними и думали, что ты погиб. Но Калан вернул тебя к жизни – удалил у тебя из головы кристалл и разбил машину Черного Камня. Так что теперь никому не придется испытать на себе ее действие.

– А от какого занятия вы оторвали его, королева Флана? – поинтересовался Хоукмун. – Почему он был так недоволен?

– Он намеревался покончить с собой, – ровным голосом ответила Флана. – Я пригрозила, что оставлю его живым навеки, если он не выполнит моего приказа.

– Д'Аверк? – встревоженно спросил Хоукмун. – Где д'Аверк?

– Он мертв, – таким же ровным голосом отозвалась опечаленная Флана. – Убит в тронном зале чересчур ревностным стражником.

Оживление Хоукмуна в тот же миг сменилось глубокой грустью.

– Так значит, и граф Брасс, и Оладан, и Ноблио – все они погибли?

– Да, – подтвердил его страшную догадку Орланд Фанк. – Но они отдали жизнь за правое дело и освободили от рабства миллионы людей. До этого дня в Европе бушевала война. Теперь же, полагаю, люди станут стремиться к миру. Ведь они уже убедились на своем опыте, к чему приводит война.

– Более всего на свете граф Брасс хотел мира, – проговорил Хоукмун. – Как жаль, что он не дожил до сего дня!

– Надеюсь, это увидит его внук, – пообещала Иссельда.

– Пока я останусь королевой, – промолвила печальная Флана, – вам нечего страшиться Гранбретании. Я намерена уничтожить Лондру и сделать столицей мой родной город Канбери. А непомерные богатства, скопившиеся в Лондре, будут отданы на восстановление городов, деревень, ферм... Если только возможно исправить зло, причиненное Гранбретанией, – она сняла маску, открыв свое прекрасное, одухотворенное и такое печальное лицо. – Кроме того, я намерена отменить ношение масок.

Орланд Фанк, похоже, отнесся к новшествам скептически, но ничего не сказал по этому поводу, а изрек лишь следующее:

– Если Гранбретания сломлена навеки, то и работа Рунного Посоха здесь завершена, – он похлопал по свертку у себя под мышкой. – Я забираю с собой Рунный Посох, Красный Амулет и Меч Рассвета. Постараюсь сберечь их. И если когда-нибудь вам придется вновь выступить против общего врага, то обещаю помочь вам в этом.

– Хотелось бы верить, друг Фанк, что такие времена не наступят никогда.

– Увы, мир не меняется, – вздохнул Фанк. – Случаются лишь временные нарушения равновесия, друг Хоукмун. И если равновесие нарушается в одном направлении слишком сильно, то Рунный Посох старается исправить это на век-другой, пока все не утихнет. Но не знаю...

– Странно слышать от тебя такое, – засмеялся Хоукмун, – ведь ты всеведущ!

– Не я, друг мой, – улыбнулся Фанк, – а то, чему я служу. Всеведущ лишь Рунный Посох...

– Твой сын Дженемайя Коналиас...

– Нет! Многого не знает даже Рунный Посох, – Фанк почесал свой длинный нос и посмотрел на них. – Я хотел бы проститься с вами. Вы славно сражались, и сражались за справедливость.

– Справедливость? – воскликнул Хоукмун. – А существует ли она?

– Она существует, но ее всегда не хватает, – ответил Фанк. – И чтобы ее стало хоть немного больше, приходится упорно трудиться, славно сражаться... в общем, делать все, что в наших силах.

– Да, – согласился Хоукмун, – вероятно, ты прав...

– Я знаю, что прав, – засмеялся Фанк.

В тот же миг он исчез, и откуда-то, словно из иного мира, вдруг донесся его голос:

– Справедливость – это не порядок и не право, как думают люди. Равновесие – это истинная справедливость. Равновесие весов... Помни об этом, Хоукмун!

Дориан обнял за плечи Иссельду.

– Да, постараюсь запомнить, – тихо промолвил он. – Но теперь мы возвратимся в замок Брасс, расчистим источники, вернем в заводи тростник, и опять будет много животных – туров, рогатых лошадей и розовых фламинго... Вдохнем жизнь в наш Камарг!

– И мощь Империи Мрака больше никогда не будет угрожать ему, – печально улыбнулась королева Флана.

– Не сомневаюсь в этом, – кивнул Хоукмун. – Однако если любое другое зло станет угрожать Камаргу, я встану у него на пути, каким бы мощным и ужасным оно ни было, и в какой бы форме оно ни появилось. Мир еще слишком далек от совершенства. Справедливость, о которой говорил Фанк, едва ли вообще существует. Но мы должны постараться сделать хоть что-то во имя этой справедливости... Прощайте, королева Флана!

Они двинулись прочь, и Флана не сводила с них взора своих прекрасных глаз, в которых стояли слезы.